

Лия Ланж

МЕЖДУ ВИНОЙ И ЛЮБОВЬЮ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лия Ланж

Между виной и любовью

«Автор»

2026

Ланж Л.

Между виной и любовью / Л. Ланж — «Автор», 2026

Маша когда-то влюбилась в самоуверенного Лешу: в его горящий взгляд, в то, как он бросал вызов всему миру. Потом он исчез, и годы разлуки стёрли из памяти всё, кроме одной горькой мысли: он перешёл черту, которую нельзя было пересекать. Пока его не было, Маша шаг за шагом строила спокойную жизнь с Денисом: без острых углов, без страха оступиться. У неё уже были готовы ровные, взрослые слова, чтобы всё закончить и идти дальше. Но стоило Леше снова появиться на пороге, как все эти слова рассыпались. В его глазах всё так же пылал прежний огонь, а характер остался таким же горячим. И в эту секунду Маша поняла: легко не будет. Любовь не гаснет от разлуки — она просто прячется в тишине.

© Ланж Л., 2026

© Автор, 2026

Лия Ланж

Между виной и любовью

1 часть. Маша.

Я стояла у плиты, теребя край фартука, будто он мог подсказать, что делать дальше. На кухне пахло жареным луком и чуть подгоревшим хлебом. Это был тот самый запах, который всегда заставлял меня нервничать: будто он кричал о моей неопытности громче любых слов. Пирог с картошкой лежал на тарелке, румяный, но с одной стороны слишком тёмный: я всё никак не могла поймать тот самый момент, когда надо вытаскивать.

Я вообще не умела с самого детства готовить. Никогда не подходила к плите, будто она была из другого мира, горячего и строгого, куда мне вход был заказан.

Мама хозяйничала на кухне так, словно это была её маленькая сцена, и каждый жест у неё выходил точным, уверенным, будто отрепетированным годами. Она двигалась между плитой и раковиной легко, почти не глядя: щепотка соли тут, поворот ручки там, ложка, которой она пробовала суп и тут же морщилась, если чего-то не хватало. Для неё готовка была не обязанностью, а чем-то вроде разговора с домом, она будто спрашивала у него: «Тебе тепло? Тебе хватает вкуса?» и дом ей отвечал.

А я стояла где-то на краю этого мира, у порога кухни или в коридоре, прижимаясь плечом к дверному косяку. Смотрела, как над кастрюлей поднимается пар, как мама ловко переворачивает блинчики, и думала: «Вот бы запомнить, как она это делает». Но запомнить не получалось. Потому что это было не про шаги и не про рецепты. Это было про то, как она чувствовала кухню, а я этого чувства не знала.

Марина и давно не бегала за этим делом. Ей казалось, что готовка — это скука, бесконечная возня с кастрюлями и сковородками, от которой руки становятся липкими, а фартук в пятнах. Она смеялась: «Да ладно, купим пирожок у ларька, быстрее будет!» и убегала по своим делам, оставляя меня стоять рядом с мамой, неловкой и лишней.

И вот теперь, когда мамы не было рядом, а кухня осталась просто кухней, без её уверенных шагов и тихого бормотания себе под нос, мне вдруг стало страшно перед этой плитой. Она смотрела на меня чугунным боком, будто знала, что я ничего не умею.

Но я всё равно подошла. Сначала просто открыла духовку, потрогала ручку, будто проверяя, не обожжёт ли. Потом нашла рецепт в интернете: какой-то простой пирог, с картошкой и луком, где всё казалось понятным: «возьмите», «нарежьте», «смешайте».

На столе уже стояли тарелки, вилки, стакан с компотом, который я сварила ещё утром.

Мы сидели все на кухне: я, Лена, Лев и Денис. Лев хотел познакомить меня со своей новой девушкой, поэтому я пригласила их к себе.

Девчонка сидела, закинув ногу на ногу, и болтала о чём-то лёгком: о новом сериале, о том, как в магазине опять перепутали ценники, о смешной собаке, которая бежала за самокатом. Она умела заполнять тишину, не давая ей стать неловкой. И сейчас это было как спасательный круг: пока она говорила, мне не нужно было придумывать, что сказать.

Я вообще не люблю много разговаривать. Моя социальная батарейка садится быстро, буквально за пару фраз. Стоит кому-то задать простой вопрос вроде «Как дела?» и я уже чувствую, как внутри щёлкает невидимый таймер: осталось пять минут, три, одна... А потом наступает эта звенящая пустота, когда хочется просто закрыть глаза, прижаться лбом к холодному стеклу и чтобы никто не трогал.

Вот и сейчас я стояла, чуть ссутулившись, и ловила себя на том, что киваю в такт Лене, улыбаюсь в нужных местах, а сама прислушиваюсь к этому внутреннему таймеру. Ещё немного, ещё пару минут и можно будет тихо выдохнуть.

Лев же сидел напротив, спокойный, собранный. Он всегда такой. От него веяло какой-то тихой надёжностью, и от этого мне становилось чуть легче дышать.

А Денис... Денис смотрел на меня так, будто я сделала что-то невероятное. Он улыбался, хвалил, говорил: «Маш, ты просто волшебница», и в его голосе было столько тепла, что оно должно было согреть меня целиком.

Денис всегда такой: внимательный, заботливый, будто у него внутри никогда не кончается запас добрых слов. Именно поэтому я и выбрала его. Каждый его комплимент ложился мягко, как тёплый плед на плечи в прохладный вечер, и на душе отчего-то расцветало: тихо, но по-настоящему, будто где-то внутри распускался маленький цветок, которому хватило всего одной капли света.

Он замечал то, что другие пропускали: как я поправляла волосы, когда волновалась, как старалась не смотреть ему прямо в глаза, как вздрагивала от резких звуков.

— Машуня, ты не устала? — голос Дениса вывел меня из мыслей. — Столько всего приготовила. Тебе надо отдыхать, а не стоять у плиты.

Я улыбнулась, потому что знала: он говорит это из заботы. Но в груди что-то сжималось, будто эта забота была слишком большой для маленькой кухни, слишком яркой для моего тихого вечера.

— Всё нормально, — пробормотала я, усаживаясь на стул и пряча ладони под стол, чтобы никто не видел, как они дрожат.

Почему на сердце так беспокойно? Вроде всё как надо: тёплый свет лампы, запах картошки и лука, родные вокруг и все свои. Лена всё ещё что-то весело рассказывает, Лев кивает, Денис смотрит на меня с этой своей тёплой, заботливой улыбкой, будто хочет собрать по кусочкам всё, что во мне рассыпается. А внутри всё равно скребётся что-то колючее, будто я стою на краю и не понимаю, то ли сейчас сорвусь, то ли просто ветер слишком сильный.

Я тревожный человек. Это не про «просто переживаю», это про то, что тревога живёт во мне, как тихий сквозняк: не видно, а всё равно знобит. Она приходит без приглашения: иногда из-за пустяка: например, забыла выключить утюг, хотя я его и не включала, услышала резкий хлопок за стеной, увидела в телефоне пропущенный вызов с незнакомого номера. И мозг тут же достраивает целую историю: «А вдруг что-то случилось? А вдруг я всё испортила? А вдруг они сейчас посмотрят и поймут, что я вообще не справляюсь?»

И вот сейчас она шепчет мне на ухо: «Ты не умеешь готовить, пирог подгорел, они терпят, но им невкусно, они просто не хотят тебя обидеть». И я верю этому шёпоту быстрее, чем своим глазам, которые видят, что Лев спокойно ест, а Денис улыбается.

Тревога умеет быть коварной. Она не кричит, она шепчет. И её последствия всегда тихие, но тяжёлые.

Она заставляет меня прятать руки под стол, чтобы никто не увидел, как они трясутся. Заставляет кивать и улыбаться, когда хочется просто сказать: «Мне тяжело, дайте пять минут тишины». Она заставляет меня заранее извиняться за то, чего ещё не сделала: «Если пирог не очень — простите, я старалась». Она заставляет ждать подвоха даже там, где его нет: когда Денис говорит «ты молодец», я слышу не похвалу, а условие: «Но в следующий раз постарайся лучше».

А ещё она ворует у меня моменты. Вот сейчас Лена смеётся, Лев спокойно жуёт, Денис хочет меня поддержать, а я не здесь, я там, в будущем, где всё может пойти не так. И из-за этого я пропускаю то, что происходит прямо передо мной: тепло, которое есть, заботу, которая уже дана, тишину, которая не давит, а просто есть.

— Пирог вышел вкусным, — вдруг говорит Лев, откусывая кусок пирога. Не с восторгом, не с преувеличенной радостью, а просто констатируя факт. И от этого «вкусно» мне вдруг стало спокойнее, чем от всех Денисовых комплиментов.

Лена тут же подхватила:

— Ага! В следующий раз, Маш, мне готовь, а я буду только тарелки мыть.

Все рассмеялись, и смех лёг на кухню, как тёплый плед, прикрывая острые углы. Я тоже улыбнулась, на этот раз чуть свободнее.

Девушка Льва мне понравилась. Лена весёлая и классная и не потому, что она всё время шутит или старается быть в центре внимания. Просто с ней не нужно было подбирать слова, не нужно было бояться, что скажешь что-то не то и она посмотрит свысока. Она смеялась над обычными вещами: над тем, как ее кот Барсик пытается всегда стащить еду, над тем, как я уронила ложку и та звякнула так громко, будто это был сигнал тревоги. И в этом её смехе не было насмешки, только лёгкость, будто она умела делать так, что даже неловкость становилась чем-то милым.

А ещё она не пыталась казаться кем-то другим. Не строила из себя загадочную королеву, не смотрела на всех так, будто знает о них что-то плохое. С ней можно было просто сидеть, есть пирог, смотреть, как за окном темнеет, и молчать и это молчание не висело тяжёлым грузом, а было таким же нормальным, как стук вилки о тарелку.

Я знала, что раньше у Льва были другие девушки. Три штуки. И все как на подбор: острые, колючие, будто им нравилось держать всех на расстоянии вытянутой руки. Одна вечно спорила по любому поводу, будто сама правда была ей не важна, а важен был сам процесс победы. Другая смотрела на всё с таким снисходительным прищуром, будто весь мир был недостаточно хорош для неё. Третья вообще почти не разговаривала, но от её молчания становилось только хуже: оно было не тихим, а тяжёлым, будто она всё время кого-то осуждала.

С ними не о чем было говорить. Даже если разговор начинался, он быстро сворачивал туда, где мне становилось неудобно: то они как будто проверяли, достаточно ли я «интересная», то делали вид, что мои слова не имеют значения. А потом, когда Лев их провожал, я каждый раз выдыхала с облегчением и думала: «Ну вот, пронесло».

И теперь, глядя на Лену, я ловила себя на мысли, что впервые не жду подвоха. Впервые хотелось, чтобы она осталась. Чтобы Лев наконец нашёл кого-то, с кем ему спокойно и хорошо.

— Ты чего задумалась? — тихо спросил Денис, наклоняясь ко мне, будто боялся спугнуть эту минуту. — Всё хорошо?

Я кивнула, на этот раз искренне.

— Да. Просто рада, что мы тут все сидим.

Он улыбнулся, будто эти слова были для него важнее любых комплиментов, и потянулся за ещё одним кусочком пирога.

А я посмотрела на Лену: она что-то шептала Льву на ухо, и тот впервые за вечер рассмеялся по-настоящему, не сдержанно, а так, что звук этот заполнил кухню и стал частью этого вечера. И я вдруг поняла: иногда счастье — это не когда всё идеально, а когда рядом есть люди, с которыми даже неидеальный пирог становится чем-то хорошим.

— Машунь, у тебя золотые руки! — похвалил меня Денис, откусывая пирог.

— Да? — прищурилась я, будто пыталась разглядеть в его словах какой-то подвох. — А мне казалось, что с одной стороны он больше на уголёк похож.

— Ну, уголёк — это даже плюс, — подмигнул он. — Значит, с душой пекла. А душа у тебя точно на месте.

Лев, который вообще не любил лишних слов, спокойно доел свой кусок и кивнул:

— Правда вкусно. Даже если с угольком.

Лена тут же театрально прижала руку к сердцу:

— Клянусь, я буду мыть посуду после каждого такого ужина. Даже если придётся драить её щёткой до рассвета.

Я звонко рассмеялась. Лена подхватила мой смех. Мы точно с ней подружимся.

— Вы уже нашли общий язык? — ухмыльнулся Лев, подмигивая мне.

Я закатила глаза.

— Я со всеми нахожу общий язык! — выпалила Лена, вскинув подбородок, а потом тут же хихикнула и добавила тише: — Ну, почти со всеми. С Барсиком пока переговоры на паузе: он дома смотрит на меня, как на врага народа.

— Лена мне понравилась, — кивнула я.

Денис пододвинул к себе чашку с чаем и тихо, будто между делом, сказал:

— И мне. У тебя впервые появилась классная девчонка, Лев.

— Не потеряй ее.

— Может, вы мне еще список правил для отношений напишите? — закатил глаза Лев.

Мы с Денисом переглянулись и рассмеялись.

— Я могу! Такой сделаю, что все девушки будут твои.

— Что?! — возмутилась Лена.

— Ой-ой! Точнее только ты, — вышел сухим из воды Денис и мило улыбнулся.

Лена поморщила нос и махнула рукой, мол, хорошо, прощаю. Я хихикнула. Забавная она.

Тут в дверь позвонили. Звук ворвался в уютную кухонную суету, как посторонний аккорд в знакомую мелодию и на секунду все будто замерли. Даже пена в раковине словно перестала пузыриться.

— Ты кого-то ждала? — Лев чуть нахмурился.

— Нет... — я покачала головой.

— Может, соседи? — предложила Лена. — А то мы тут шумим... Ну, смеемся громко.

— Ты смеёшься, как жираф, — фыркнул Денис.

— Закройся! — тут же парировала Лена, но глаза у неё смеялись, и напряжение потихоньку начало таять.

— Я открою, — прервала перепалку я.

Встала, отряхнула фартук и пошла в холл.

По дороге мелькнула мысль: «Надо посмотреть в глазок». Но я её пропустила мимо, как случайную тень на стене.

Я распахнула дверь и застыла.

2 часть. Маша.

На пороге стоял Леша. Мой Леша. Мой Волков. Тот самый, которого я старательно вычёркивала из мыслей, будто если не вспоминать, он перестанет быть частью моей истории. Тот, кто когда-то переступил грань дозволенного и сам разрушил свою жизнь: кирпичик за кирпичиком, не оглядываясь, не жалея.

Он изменился с последней нашей встречи. Раньше в нём было столько дерзости, что она выплёскивалась из него, как искра от раскалённого металла: дерзкий взгляд, насмешливая ухмылка, походка, будто весь мир — его двор, а все остальные тут просто в гостях. А теперь эта дерзость будто выгорела, оставив после себя что-то более тяжёлое, усталое. Плечи опустились, лицо стало резче, скулы будто проступили отчётливее, а в глазах поселилась тень.

Единственное, что не изменилось, — это его причёска. Та самая, как у районных парней: коротко стриженная.

И стиль тот же: спортивные штаны с чуть вытянутыми коленями, серая спортивная куртка, выдавшая виды: на плече потертость, на рукаве едва заметная царапина, будто зацепился за что-то в спешке. В руках небольшая дорожная сумка, потёртая, с одной лямкой чуть перекрученной, будто он хватал её на бегу.

Он стоял на пороге, мокрый насквозь, будто не шёл, а прорывался сквозь ливень, и даже сейчас, под этим тусклым светом холла, казалось, что от него веет ветром с улицы: холодным, резким, тем, что сбивает с ног и заставляет шуриться.

Мы смотрели друг на друга, и время будто споткнулось, замерло на этой тонкой грани между «до» и «после», словно весь мир сжался до размера дверного проёма и этого мокрого, усталого парня на пороге.

В голове у меня пронеслось сразу всё: калейдоскопом, без порядка и логики: тревога, колючая и острая, как осколок стекла; радость, которая вспыхнула вопреки всему, предательски и горячо; удивление, от которого пальцы на ручке двери побелели от напряжения. Они нахлынули одновременно, перепутались, сплелись в тугой узел, и я не могла выцепить из этого хаоса ни одного слова.

Хотелось броситься к нему, стряхнуть капли дождя с его куртки, а следом оттолкнуть, захлопнуть дверь и сделать вид, что это не он, что мне всё равно. Хотелось кричать и плакать, и одновременно, просто стоять и смотреть, будто если не моргать, он не исчезнет, как мираж.

Но я стояла, вцепившись в край двери, и молчала. Слова рассыпались где-то на полпути, не доходя до языка, будто боялись прозвучать и сделать эту встречу настоящей.

Лёха чуть наклонил голову, на губах та самая ухмылка, которую я привыкла видеть. На щеке темнела ссадина, свежая, ещё не зажившая, и от этого хотелось не кричать, а просто прижать ладонь к его лицу, чтобы хоть так забрать эту боль.

А потом он хрипло выдохнул, и голос его прозвучал таким родным, что я вздрогнула:

— Я зайду? Тут дождь как из ведра.

Я стояла, пальцы впивались в край двери, и я не знала, хочу ли я её распахнуть пошире или тихо прикрыть, чтобы этот вечер, такой тёплый и спокойный, остался там, за моей спиной.

Но потом вспомнила, как он всегда ненавидел стоять под дождём. Как говорил: «Мокнуть — это для тех, у кого времени много, а у меня его нет». И рука сама чуть дрогнула, отпуская дверь.

Я даже не заметила, что на улице был дождь.

— Заходи, — сказала и голос прозвучал ровно, будто я не чувствовала, как внутри всё дрожит. — Ты весь промок.

Леша шагнул через порог, стряхивая капли, будто сбрасывал с себя целый день. Поставил сумку на пол с глухим стуком и тут же кинул на меня этот свой фирменный хищный взгляд: такой, что у меня внутри всё подпрыгнуло и замерло одновременно.

— Родная, как же я скучал... — протянул он, и в этом «родная» было столько привычной наглости, столько старого, знакомого хулиганства, что я чуть не рассмеялась, а потом чуть не заплакала.

И не успела я и слова вставить, как он кинулся на меня: не нежно, не осторожно, а по-своему: схватил в охапку, прижал к себе так, что куртка его промочила мне футболку, а я даже не успела возмутиться.

— Эй, ты весь мокрый! — пискнула я, упираясь ладонями ему в грудь, но руки тут же обмякли, потому что пахло от него улицей, дождём и чем-то до боли знакомым: тем самым Лешей, которого я столько раз клялась забыть.

А он только хохотнул, уткнувшись мне в плечо, и выдохнул прямо в ухо:

— Да ладно тебе, не растаешь. Я сто лет не видел тебя, Машка. Думал, ещё день без тебя и я точно свихнусь.

Я поджала губы, внутри всё трепетало, но попыталась сделать вид, что мне всё равно:

— Ну-ка, пусти, ты мне всю одежду испортил!

Но он не отпустил. Только чуть ослабил хватку. Я слегка оттолкнула его, но Леша тут же схватил меня за талию: по-грубоватому, как он всегда делал, без церемоний, по-свойски. И прижал к себе так, что я даже взвизгнула от неожиданности, этот звук вырвался сам, без спроса.

— Лёша! — воскликнула я и подняла голову. Он улыбался той самой наглой, до мурашек знакомой улыбкой, от которой у меня всегда одновременно хотелось и врезать ему, и обнять.

— Да, родная? — протянул он, чуть издеваясь.

Я снова попыталась отстраниться, упёрлась ладонями ему в грудь, но он вцепился, как клещ, крепко, намертво. У него всегда была железная хватка, или я рядом с ним становилась какой-то особенно слабой, теряла всю свою твёрдость, будто она ему просто не нужна.

Тут из кухни в коридор вышли все и застыли, как в стоп-кадре. Лена с полотенцем в руке, Денис с растерянным видом и Лев.

Мы с Лешей одновременно повернули головы к ним. И я тут же, резко, будто обожглась, оттолкнула его от себя, сделала шаг назад, чтобы между нами было хоть немного воздуха, хоть немного приличия.

Лев только на секунду замер, а потом выдохнул:

— Лёх...

И бросился к брату. Не с упрёками, не с вопросами, а как бросаются к тому, кого долго не видели, кого боялись не увидеть больше. Они столкнулись посреди коридора, обнялись так крепко, будто хотели убедиться, что оба настоящие, оба здесь.

Леша на мгновение закрыл глаза, будто впитывал это объятие, а потом хрипло, чуть сдавленно рассмеялся:

— Ну, ну, не ломай кости, я только пришёл.

Лев отступил на полшага, но руки с его плеч не убрал, будто боялся, что если отпустит, то Лёха снова исчезнет.

— Ты почему не сказал, что срок закончился? Я бы приехал и забрал тебя, — голос Льва звучал ровно, но в нём дрожало всё то, что он не говорил вслух.

— Решил сделать сюрприз, — коротко бросил Леша.

Лена шагнула вперёд, махнула полотенцем, будто отгоняла неловкость, и фыркнула:

— Так, ладно. Один мокрый, второй злой, третья вообще в ступоре... Кто-нибудь скажет, что тут творится, или мы будем стоять и смотреть друг на друга, пока вода с брата моего парня не стечёт на пол?

— Парня? — удивился Леша и тут же на его губах расплылась ухмылка.

— Потом расскажу, — покачал головой Лев.

Я стояла, пыталась выровнять дыхание, а внутри всё ещё дрожало. И вдруг поняла: вечер, который начинался как тихий ужин с друзьями, теперь стал чем-то совсем другим.

Пока братья перебрасывались вопросами: я посмотрела на Дениса. В его глазах была растерянность: такая тихая, почти незаметная, но от этого только сильнее. Он будто пытался понять, что сейчас произошло.

А я сама была растеряна до звенящей пустоты в голове. Ни одного правильного слова, ни одной фразы, которая всё расставила бы по местам и не сделала бы ещё хуже. Я слотнула и попыталась взглядом сказать ему: «Всё хорошо. Я потом всё расскажу, честно». И, кажется, Денис понял. Или просто хотел понять, потому что не хотел верить в плохое.

— Ладно, я пойду. Дела появились, — сказал он, и голос прозвучал ровно, будто это самое обычное дело — встать и уйти, будто не было этой неловкости.

— Это чё за крендель? — привычно, с этой своей уличной хрипотцой бросил Лёха, будто ему нужно было тут же обозначить, что он ничего не боится и никого не стесняется.

— Это Дениска, — улыбнулась Лена. — Наш дружище.

Денис вежливо кивнул, пожал протянутую Лёхой руку, потом кинул на меня взгляд: короткий, будто боялся задержаться, но и не хотел уходить совсем без этого последнего контакта.

Леша поймал этот взгляд и прищурился:

— Друзья?

Мы с Денисом переглянулись на долю секунды, но в этой доле уместилось столько, что хватило бы на длинный разговор. И я тут же быстро кивнула:

— Друзья.

Но в глазах Дениса мелькнула боль: острая, короткая, как вспышка, и тут же спрятанная за ровным выражением лица. И от этой боли мне стало так тревожно, будто я только что сделала что-то непоправимое, будто одним этим коротким «друзья» я стёрла что-то важное, что нельзя стереть. Хотелось броситься за ним, схватить за рукав, сказать: «Стой, не уходи, это не то, что ты думаешь». Но ноги будто приросли к полу, а слова застряли где-то в горле.

Денис ушёл. Дверь тихо щёлкнула, закрываясь за ним, и этот щелчок прозвучал громче любого крика.

Лена вдруг улыбнулась, и, схватив Льва под локоть, бодро заявила:

— Нам тоже пора!

— Куда? — Лев даже не успел удивиться, только бровь приподнял.

— В магазин!

— С каких пор мой братец любит магазины? — удивился Леша.

— С тех пор, как связался со мной, — парировала Лена, подмигнув, и потянула Льва к двери.

— Лен, я не выдержу... — выдохнул он, но это мы слышали уже за дверью. Ребята ушли. Хлопнула дверь, отрезая коридор от улицы, от всего остального мира и оставив нас с Лешей одних. Совсем одних.

И тут тишина стала не просто тишиной: она стала тяжёлой, густой, как туман, в котором каждое слово будет звучать слишком громко, а молчание слишком многозначительно.

Черт. Мы с Лешей остались одни. С его ошибкой. С моей тревогой. С этой болью, которая теперь лежала между нами, не спрятанная, не сглаженная чужим смехом и чужой болтовнёй. И мне вдруг стало страшно. Не от него, не от его резких движений, а от тяжести того, что повисло в воздухе: невысказанное, колючее, такое, что режет даже на расстоянии.

Пока я лихорадочно думала, что и как сказать... Как вообще произнести вслух то, что разрывало меня изнутри: «Леш, пока тебя не было, пока ты отбывал срок, у меня появился другой...» — слова рассыпались, не складываясь в предложения, будто стыдились прозвучать.

А он неожиданно схватил меня за талию и прижал спиной к груди: крепко, по-своему, будто хотел доказать и себе, и мне, что мы всё ещё одно целое, что время не успело нас разъединить.

— Леш... — выдохнула я, и голос прозвучал жалко, тоненько, как у ребёнка, который боится темноты.

— Какие они умные, сразу поняли, что надо свалить, — хмыкнул он, уткнувшись мне в волосы. Он начал целовать мою шею: торопливо, жадно, будто пытался наверстать все те дни и ночи, когда не мог до меня дотянуться. И от этого у меня внутри всё сжалось не от желания, а от чувства вины, острого, как осколок стекла.

— Леш, п... подожди! — я рванулась вперёд, вывернувшись из его рук, сделала два шага, чтобы между нами было хоть немного воздуха, хоть немного пространства, где можно дышать.

Но он не дал мне этого пространства. Резко дёрнул мою руку к себе, притянул так, что я едва успела охнуть, и тут же поднял на руки, прижимая к себе.

— Чего ждать, Маш? — выдохнул он мне прямо в лицо, и я увидела, как в его глазах мелькает не только привычная дерзость, но и что-то совсем беззащитное, отчаянное. — Я ждал два года. Каждый день считал. Каждый чёртов день думал: вот выйду, найду тебя, и всё снова станет как раньше.

Два года. Это был срок за убийство. Леша — убийца. Он даже не сказал мне причину всего этого происшествия. Я пыталась достучаться до него, я говорила, чтобы он перестал ходить в этих неблагополучных компаниях и вот что получилось. Мой муж убил человека. Суд вынес приговор, что это убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны и его посадили на два года. Судили, посадили, вынесли приговор.

— Два года я думал только о том, как вернусь к тебе, — повторил он.

Я не отталкивала, но и не обнимала. Пальцы вцепились в его куртку, будто это был единственный якорь в мире, который вдруг накренился. Ткань была холодной от дождя, жёсткой от уличной сырости, и эта грубость странно заземляла меня посреди всего этого безумия.

Мы взглянули друг другу в глаза. Мне было больно. Больно от всего сразу: от его взгляда, в котором столько надежды, что она почти обжигает; от собственной вины, тяжёлой и колючей; от несправедливости, которая просто взяла и раскидала нас по разным берегам. Он совершил ужасный поступок. И даже не считал, что поступил плохо. Я ни разу не увидела в его глазах жалость. Для мира это стало преступлением, а для меня — пропастью длиной в два года. Два года, за которые жизнь не стояла на месте.

Я совсем не заметила, как Лёша отнёс меня в нашу спальню. Нашу... Она и правда была нашей: ещё с тех времён, когда мы снимали эту квартиру, смеялись над скрипучей кроватью и клялись, что будем всегда вместе. Теперь тут всё было чуть другим: другой плед, другая лампа, другие мелочи, которые незаметно въедаются в быт. Но запах остался: тот самый, смесь старого дерева, моих духов и чего-то неуловимо «нашего».

— Лёша, прекрати! — воскликнула я, только сейчас осознав, что мы уже в комнате, что он снял куртку и бросил её на пол.

— Я ещё даже не начинал, — ухмыльнулся он, и в этой ухмылке было столько старой, привычной наглости, столько желания притвориться, что всё просто, что достаточно обнять, прижать к себе, и мир снова встанет на место. Он кинулся на меня, целуя моё лицо: щёки, лоб, уголки глаз, будто хотел стереть с меня все эти два года, все чужие взгляды, все слова, которые я слышала без него.

Я упёрлась ладонями ему в грудь, пытаюсь удержать хоть какую-то границу, хоть крошечный островок порядка в этом урагане:

— Стой! Просто... просто дай мне минуту.

— Зачем? — выдохнул он, продолжая целовать, будто не слышал моих слов.

Под его напором я хотела сдаться. Как и всегда делала. Но я не могу в этот раз сдаться. Не имею права.

— Лёш, я не могу... — голос сорвался, стал тонким, чужим.

Тут он остановился. Замер возле моей шеи и поднял голову. В глазах не злость, не обида, а какая-то острая, колючая растерянность.

— Слезь с меня, — уверенно попросила я. Лёша поднялся и отстранился. Я села на кровать. Он смотрел на меня таким взглядом, что внутри всё задрожало. Опять его взгляд. Тот самый, который всегда выбивал из меня все правильные слова, который будто видел насквозь, до самых стыдных мыслей.

— У меня нет настроения! — я попыталась встать, уйти хоть на пару шагов, хоть в другую комнату, где можно будет выдохнуть. Но Лёша дёрнул мою руку к себе, и я неловко плюхнулась обратно на кровать.

Собралась возмутиться, выцедить что-то резкое, чтобы отгородиться, но тут Лёша хрипло, почти сквозь зубы, бросил:

— Нет настроения? Маш, меня не было два года. Какое, нахрен, настроение?

Я избегала смотреть ему в глаза, водила взглядом по полу, по стене, по чему угодно, только не в эту чёртову глубину, где сейчас всё кипело. И не прошло и секунды, как Лёша жёстко схватил меня за волосы: не больно, но так, что не отвернёшься, и заставил поднять голову, встретиться с ним взглядом.

— Леш! — успела пискнуть, и голос мой прозвучал совсем по-детски.

— Или дело в другом? — процедил он, и в этом «другом» уже не было бравады, только голая, злая правда, которую он боялся услышать.

Я молча смотрела ему в глаза и глотнула. Слишком громко. Он заметил. Всё замечал.

— Родная, у тебя кто-то появился? — спросил он угрожающе.

Даже угроза прозвучала страшно. Я не могла рассказать про Дениса. Не имела права. Потому что знала: если Леша услышит его имя, если поймёт, что за эти два года рядом со мной был другой, он сорвётся. А сорваться для него сейчас — значит снова шагнуть в ту бездну, из которой только что вылез. А если сейчас сорвётся... Я не хотела даже думать, чем это кончится. Не хотела снова видеть его за решёткой.

Я молча смотрела ему в глаза и сглотнула. Слишком громко. Он заметил.

Леша чуть наклонил голову, прищурился, будто пытался прочесть меня не по словам, а по дрожи в ресницах, по тому, как я невольно втянула плечи, как пальцы вцепились в край покрывала, будто оно могло удержать меня на краю.

— Я задал вопрос, — хватка на волосах усилилась, и я зажмурилась от боли.

Положила руки ему на плечи, не чтобы оттолкнуть, а чтобы удержать хоть каплю того Лёхи, которого знала, не дать ему сорваться туда, откуда он только что вернулся:

— Мне больно, Леш... Отпусти.

Он отпустил.

Я натянуто улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка не треснула по швам, и покачала головой:

— У меня только ты.

Леша смотрел пронзительно, будто хотел выдрать правду из самой глубины, где она пряталась, съёжившись и дрожа. Я нервно потянулась к его щеке, просто чтобы сбить этот взгляд, утихомирить бурю, которая в нём кипела. Он не сдвинулся. Ни на миллиметр. Я коснулась тёплой, колючей от щетины кожи, задержала ладонь, будто пыталась передать ему: «Пожалуйста, не срывайся. Пожалуйста, останься здесь».

Он смотрел всё так же грозно, с обидой, с этой тяжестью, которую два года тащил на себе. И я сдалась. Просто не выдержала. Подтянулась к нему и обняла крепко, изо всех сил, вжимаясь лицом в его плечо, будто хотела спрятаться в нём от всего, что навалилось.

Леша тут же обнял в ответ; страстно, жадно, так, что рёбра заныли, но я не хотела, чтобы он ослаблял хватку. Пусть держит. Пусть не даёт мне рассыпаться. Он целовал мою макушку, волосы, шею; торопливо, будто боялся, что если остановится хоть на секунду, я снова ускользну.

— Родная... — выдохнул он, и в этом слове было столько усталости, столько облегчения, что у меня на глаза навернулись слёзы. — Я там каждый день думал: вот вернусь, и всё снова будет как раньше.

Я крепче вцепилась в его футболку, пряча лицо, чтобы он не увидел, как дрожат губы. Не могла сказать ему про Дениса. Не могла. Потому что знала: одно имя и Леша снова сорвётся. Снова сделает что-то, за что придётся платить годами. А я не хотела снова видеть его за решёткой. Не хотела, чтобы его жизнь опять ломалась.

— Прости, — прошептала я ему в плечо, сама не зная, за что прошу прощения: за то, что не ждала так, как он хотел, за то, что жила дальше, за то, что сейчас вру, чтобы уберечь его от самого себя.

Он чуть отстранился, приподнял моё лицо за подбородок, заставил посмотреть на себя.

— Хочу тебя, — выдохнул и даже в этих словах прозвучала его привычная хулиганская прямота, без красивых оборотов, без лирики: будто не признание, а голая правда, которую не спрятать. — Прямо сейчас.

И тут же накрыл мои губы своими. Поцелуй вышел жадным, рваным, немного неловким, будто он разучился делать это по-другому, будто все эти два года у него просто не было права на нежность, и теперь она прорывалась сквозь эту привычную грубость, как трава сквозь асфальт.

Я хотела на секунду задержать дыхание, удержать эту грань, но не смогла. Его руки скользнули по моим плечам, стянули кофту, и я вдруг поймала себя на том, что помогаю ему,

тяну ткань через голову, потому что тоже хотела стереть эти два года, стереть чужие взгляды, чужие слова, чужую жизнь, которая успела прорасти между нами.

Он замер на миг, глядя на меня, будто заново запоминал каждую чёрточку, каждый шрам, каждую новую линию, появившуюся за время его отсутствия. Потом провёл ладонью по моей щеке, и в этом движении впервые проскользнула та самая нежность, которую он обычно прятал за ухмылкой и дерзкими фразами.

— Родная, — прошептал он, будто сам себе не верил, и снова притянул к себе.

Дальше всё пошло не по правилам, не по красивым сценам из фильмов, а по-живому, по-настоящему: с путаницей в пуговицах, с тем, как он неловко задел локтем лампу на тумбочке, и она чуть не упала; с моим тихим смешком, который тут же оборвался, потому что смеяться сейчас казалось почти кощунством; с его хриплым «Машка» каждый раз, когда он делал слишком резко, и тут же старался быть мягче, будто учился заново не ломать то, что и так едва держалось.

В этом не было никакой идеальной красоты. Было тяжело, горячо, немного неловко и от этого как раз по-настоящему. Как будто мы не играли в то, что ничего не изменилось, а честно признавались друг другу: многое сломалось, многое стало другим, но вот это — мы, наши руки, наши дыхания, сливающиеся в одно, — ещё держится.

Когда всё закончилось, он притянул меня к себе, укрыв краем одеяла, будто боялся, что холод комнаты доберётся до меня раньше, чем он успеет его отогнать. Я уткнулась ему в плечо, чувствуя, как под пальцами медленно выравнивается его дыхание, как уходит эта отчаянная спешка, и остаётся просто тишина.

Леша провёл ладонью по моим волосам. Я закрыла глаза, стараясь удержать в памяти эти пять минут тишины, где не было ни Дениса, ни тюрьмы, ни вины — только мы.

Но тут же голова стала холодной, будто кто-то плеснул ледяной воды прямо в мысли. Я поняла, что попала. Попала так, что не выпутаться простым «потом расскажу».

Что я буду делать?

Я скосила глаза на Лешу: он уже почти спал, ресницы дрожали. Он выглядел... юным. Почти как тот Волков, с которым мы когда-то бегали по крышам гаражей и смеялись над любой ерундой. И от этого становилось только больнее.

Я не могу рассказать о наших отношениях с Денисом. Просто не имею права. Потому что знаю, как это прозвучит для него: «Пока ты там считал дни, я училась жить без тебя. И у меня получилось». Эти слова ударят сильнее любого кулака. А если Леша услышит про Дениса, если поймёт, что рядом со мной кто-то был, кто держал меня, когда мне было страшно, то он сорвётся. Снова сделает что-то резкое, отчаянное, и эта его привычка бросаться на амбразуру снова утащит его туда, откуда он только что вернулся.

И я не могу так врать. Не могу смотреть ему в глаза и спокойно говорить «у меня только ты», когда это не вся правда. Врать — значит предать и его, и себя, и даже Дениса, который ни в чём не виноват, просто оказался рядом в самое неподходящее время.

Пальцы сами собой потянулись к его щеке, провели по колючей щетине, по старой царапине у виска. Леша чуть нахмурился во сне, будто и там ему не давали покоя какие-то тяжёлые мысли.

«Прости», — шевельнулось внутри, но я не произнесла это вслух. Слова сейчас были лишними.

3 часть. Маша.

Утро выдалось серым и каким-то слишком тихим, будто город затаил дыхание, чтобы не спугнуть эту хрупкую паузу. Я встала рано: уснуть нормально так и не смогла. Ворочалась, прислушивалась к каждому шороху, к ровному, тяжёлому дыханию Лешки рядом, и каждый раз, когда он вздыхал во сне, у меня внутри всё поджималось.

Встала, стараясь не скрипнуть кроватью, не задеть что-нибудь, не выдать себя ни звуком, ни движением. В ванной постояла под душем чуть дольше, чем нужно, позволяя горячей воде смывать не только остатки сна, а эту тяжесть, что налипла за вечер. Потом закрутила волосы в небрежный пучок.

На кухне пахло вчерашним чаем. Я щёлкнула выключателем и встала за плиту, достала сковороду, плеснула масла. Оно зашипело, будто ворчало на меня за эту утреннюю суету. Достала сосиски, порезала, бросила на раскалённую поверхность, они тут же начали скворчать, выпуская пар, как будто тоже злились, что их потревожили. Потом разбила яйца: желтки легли круглыми, яркими пятнами, и это было почти красиво.

Тут неожиданно крепкие руки обхватили мою талию, и я вздрогнула так, что чуть не уронила лопатку.

— Леш?

— Кто ещё? — промурлыкал он мне в ухо, хрипловато, со сна, но с этой его фирменной наглой интонацией, от которой у меня всегда мурашки бежали по спине. — Ты чего тут шуршишь? Я проснулся, а тебя нет.

Он уткнулся носом мне в волосы, чуть втянул запах и выдохнул:

— Пахнешь домом, родная. Я там два года только и думал: вот выйду, приду к тебе, а ты будешь вот так стоять у плиты, ворчать, что сковородка опять прилипла... И я буду стоять сзади и лыбиться, потому что всё как раньше.

Интересный вопрос, учитывая то, что так обычно по утрам делал уже два года Денис. Не обнимал, нет, он просто тихо садился за стол, ставил локти, тёр глаза и говорил: «Машунь, если ты опять сожжёшь хлеб, я не обижусь». И в этом «не обижусь» было столько тепла, столько «я тут, я никуда», что я держалась за эти слова, как за поручень в трясущемся вагоне.

— Да ладно, не напрягайся, — хмыкнул он, будто почувствовал, как я вся подобралась, как каждый мускул у меня натянулся в струну. — Чего ты как неродная? Я не кусаюсь. Ну, почти.

Он отпустил, но не ушёл. Отошёл на шаг, сел на табуретку, закинул ногу на ногу, посмотрел на меня с этой своей ухмылкой.

— Ну, давай, корми своего мужа. Я там два года эту баланду ел, что даже запах нормальной еды снится.

Я кивнула, не глядя на него, чтобы не выдать, как дрожат руки. Перевернула яичницу, она чуть подгорела по краям, но это было нормально.

— Сейчас, — буркнула я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, а не как у девчонки, которая вот-вот сорвётся. — Ещё минуту.

— Я никуда не убегу, — спокойно сказал он.

Молча накрыла на стол: положила тарелку с яичницей и сосисками. Рядом хлеб, в миске огурцы нарезала. Подала чай. Сама села на стул, но не рядом, а чуть поодаль, будто так можно было держать эту невидимую границу, которую я сама себе нарисовала.

— Чего так далеко? — Леша взял одной рукой кончик стула и дёрнул к себе, так что я чуть не кувыркнулась. — Давай ближе. Я два года на расстоянии был, хватит уже.

Я хотела что-то буркнуть про «мне так удобнее», но язык не повернулся. Просто подвинулась, опустила глаза, чтобы не встречаться с его взглядом.

Он тут же схватил кусок хлеба, отломил половину, сунул в рот и аж зажмурился от удовольствия.

— Вот это я понимаю, родная, — промычал с набитым ртом, потом проглотил и хлопнул ладонью по столу так, что ложка подпрыгнула. — Настоящая еда, не эта баланда, которую там кормили. Там кусок в горло не лез, а тут даже хлеб как будто с душой.

Потом замер, посмотрел на меня, прищурился по-своему:

— Ты чего сидишь, как на приёме у прокурора? Расслабься. Я же не зверь какой. Ну, сорвался вчера чуток, так два года не видел. У любого крышу снесёт.

Я только плечами пожала, взяла вилку, покрутила в пальцах, будто это был какой-то сложный механизм, а не обычная вилка.

— Ешь давай, — хмыкнул он, кивнул на тарелку. — А то остынет, и будет не кайф. Я тут голодный, как волк. Два года мечтал просто нормально пожрать с тобой, вот так, домашнему.

Я наконец ткнула вилкой в яичницу, отломил кусочек, положила в рот. Он смотрел, будто ждал, что я скажу что-то важное, что разом всё расставит по местам.

— Вкусно, — буркнула я, потому что надо было хоть что-то сказать, а тишина давила сильнее любых слов.

Он довольно ухмыльнулся и продолжил с аппетитом есть.

Я же отложила вилку и наблюдала за своим мужем. И вдруг поняла: он не изменился. Совсем. Всё то же пацанское лицо, знакомое до каждой чёрточки, до каждой мелкой морщинки у глаз, которая появлялась, когда он смеялся или, наоборот, злился. Та же дерзкая складка между бровей, будто он всегда готов спорить с целым миром. Тот же упрямый подбородок, который он в детстве по его словам вечно разбивал, влезая в драки. Казалось, два года тюрьмы не стёрли ни эту его уличную прямогу, ни эту привычную нагловатую ухмылку.

И тут мой взгляд скользнул ниже, к его руке, лежавшей на столе. Лишь я заметила эту татуировку на предплечье: чёрные угловатые линии, сплетавшиеся в какой-то грубый узор, будто кто-то выводил их дрожащей рукой и не особо старался быть аккуратным. Раньше её не было. Она была чужой на его коже, но в то же время так странно ему шла, как ещё одна строчка в его личной, никому не рассказанной истории.

Не думая, я потянулась и коснулась её кончиками пальцев.

Леша замер, перестал жевать, только посмотрел на мою руку, потом медленно поднял глаза на меня.

— Это там... — хрипло начал он и провёл ладонью по татуировке, стирая невидимую пыль. — Мужики делали. На спор, по глупости... Хотел, чтобы руки чем-то заняты были. А то если просто сидеть и думать... — он на секунду запнулся, будто сам не хотел туда возвращаться, в эти серые стены, в эти бесконечные дни, где время тянется, как жвачка. — Короче, чтоб не свихнуться.

Я не знала, что ответить. Просто кивнула, будто поняла, хотя на самом деле не понимала ничего из того, каково это — жить там, где каждый день надо держать лицо, где нельзя показывать, что тебе страшно, что ты скучаешь, что ты просто хочешь обнять свою жену и сказать: «Я тут, я живой».

Но я почувствовала другое: не стыд, не отвращение, а какую-то горькую, тёплую жалость.

Мне стало так жалко Лёшу. Да, он хулиган, сидевший, чёрт возьми... но в этой его «чтоб не свихнуться» столько боли, столько пустоты, что хотелось просто прижать его к себе и шептать: «Всё, хватит, ты дома». А я ещё с Денисом... И от этого жалость смешивалась с такой тяжестью, будто на плечи положили бетонную плиту.

Я резко встала со стула, чуть не опрокинув его, нога зацепилась за ножку, и он жалобно скрипнул по полу.

— Я пойду. Ты помой за собой посуду, хорошо? — голос вышел какой-то чужой, резкий.

Леша даже не поморщился от этого тона. Только спокойно кивнул, будто понимал: мне нужно выйти, нужно хоть на пять минут остаться одной, чтобы снова научиться дышать.

— Родная, без проблем, — сказал он.

Я вышла из кухни и зашла в нашу комнату.

Телефон лежал на тумбочке, экран мигнул, как будто даже он торопил меня. Я схватила его, открыла сообщение. Денис: «Маш, надо увидеться».

Сердце ёкнуло. Надо встретиться. И объясниться.

Начала одеваться: натянула джинсы, свитер, который был чуть великоват и оттого казался уютным, будто мог спрятать меня от всего мира. Пальцы дрожали, когда застёгивала пуговицу на куртке.

А когда открыла входную дверь, меня будто ударило по лицу холодным воздухом. Леша был в гостиной и смотрел телевизор, так что даже не заметил моего ухода.

На улице стояла осень, та самая, серая и злая, которая не притворяется красивой. Небо висело низко, плотное, свинцовое, будто кто-то натянул над городом тяжёлое одеяло и забыл про дырки для воздуха. Ветер гулял по двору, гоняя по асфальту сухие листья, скомканные, как старые письма, которые никто не стал читать. Он цеплялся за куртку, пробирался под воротник, царапал щёки колючими порывами. Где-то наверху хлопала незакрытая форточка: тук-тук-тук, будто отсчитывала секунды, которые утекали сквозь пальцы.

Я натянула капюшон, спрятала руки в карманы и пошла вперёд, не оглядываясь.

В кафе было тепло и шумно, пахло корицей и кофе, и на секунду мне даже показалось, что я просто пришла на обычную встречу, что ничего страшного не случится, если мы просто посидим, попьём чай и поболтаем про что-нибудь совсем обычное: про погоду, про новый фильм, про то, что в городе опять перекрыли улицу.

Я зашла, поискала глазами Дениса. Он сидел у окна, ссутулившись.

— Денис... — начала я, хотела сказать «прости», хотела сказать «я не хотела, чтобы так вышло», но он тут же поднял руку, остановил меня, не грубо, а устало.

— Маш, нет, дай мне сказать первому. Я... Я знаю, что тебе тяжело сейчас, но и мне нелегко. — Он помолчал, будто подбирал слова, которые не будут звучать как упрёк, хотя упрёк там всё равно прятался, тихий, но острый. — Я не хочу быть тайной, которую ты прячешь в кармане и достаёшь, только когда никого рядом нет.

Я только кивнула. Потому что возразить было нечего.

К нам подошла официантка, поставила две чашки сладкого чёрного чая: пар поднимался тонкими струйками, будто пытался унести с собой хоть часть этой тяжести. Рядом поставила кусочек шоколадного торта, разрезанный ровно посередине. Потом ушла, и тишина, которая осталась после её шагов, стала какой-то слишком громкой.

Денис посмотрел на чашку, провёл пальцем по краю, будто проверял, настоящая ли она.

— Но ты должна рассказать своему мужу о нас, — сказал он спокойно. — Так нельзя.

Я жала чашку, чувствуя, как тепло пробирается сквозь пальцы, но не греет.

— Ты не понимаешь, — прошептала я, голос дрожал, и я ненавидела эту дрожь. — Ты не понимаешь, что будет, если я скажу. Я не могу. Просто не могу.

Денис поднял глаза, и в них вдруг вспыхнула злость не на меня, а на эту ситуацию, на то, что мир не даёт нам простого выхода.

— И как долго ты будешь врать? — голос у него стал жёстким, чужим. — Машунь, пойми, я хочу, чтобы ты стала по-настоящему моей, — выдохнул он и тут же смягчился, будто сам испугался своей резкости. Он взял меня за руку, не крепко, а так, будто боялся, что я рассыплюсь. — Во всех смыслах. Ты понимаешь, о чём я? Не тайком, не оглядываясь, не пряча глаза. Хочу, чтобы ты могла спокойно сказать: «Это мой мужчина».

Я посмотрела на него. В этом взгляде было столько тепла, столько желания просто быть рядом и не делить меня ни с кем, что на секунду захотелось поддаться, сказать: «Да, ты прав, давай просто вычеркнём всё остальное».

Но я не смогла.

Потому что за эти два года я ни разу не разрешила себе переспать с Денисом. Не могла. Даже когда казалось, что Леша стал воспоминанием, даже когда хотелось просто прижаться к кому-то тёплому и забыть, что мир бывает жестоким. Я не могла лечь в кровать к чужому парню. Не потому что не тянуло, меня тянуло, Денис был добрым, надёжным, он смотрел на

меня так, будто я — самое важное, что с ним случалось. Но именно поэтому. Он этого не достоин. Он любил меня, а я всё ещё носила на себе чужое имя, чужую историю, чужую боль.

Мы обнимались, целовались, плакали друг у друга на плече, когда становилось совсем невыносимо. Но дальше я не пускала.

— Машунь, я не буду давить. Но и ты пойми меня, пожалуйста.

Я молча отвела взгляд. Не знала, что ответить Денису.

И тут телефон в моём кармане тихо завибрировал. Я даже не посмотрела, кто звонит и так знала. Экран сквозь ткань будто прожигал дырку в бедре.

Денис это заметил. Его взгляд скользнул к моему карману, потом снова на меня.

— Иди, — тихо сказал он. — Ответь. Не прячь телефон, как будто там бомба.

Я достала телефон. На экране — «Муж». Даже не переименовала. Забыла.

«Где ты?»

Пальцы замерли над кнопкой. Хотелось нажать «отменить», хотелось придумать какую-нибудь безобидную отговорку: «Вышла за хлебом», «Задержалась у подруги». Но слова Дениса стояли перед глазами: «Не проси врать».

А следом пришло ещё одно сообщение: «Я пойду к пацанам. Если что, буду поздно».

Я выдохнула так, будто только сейчас вспомнила, как дышать. Напряжение, которое стягивало грудь тугой резинкой, чуть ослабло. Ну вот. Поговорю с ним, когда придёт. Точно. Не на бегу, не через экран, а глядя в глаза.

Мы с Денисом ещё немного посидели, допили остывший чай. Торт так и остался нетронутым. Никому есть не хотелось.

Потом вышли на улицу. Ветер уже не хлестал по щекам, а просто гулял между домами, шуршал листьями.

Мы шли по парку, не спеша, почти молча. Иногда Денис что-то тихо говорил: про то, как странно осенью пахнет мокрым асфальтом и сухими ветками, про то, что в этом году листья опадают раньше, будто устали держаться. Я кивала, слушала, и это молчание между нами уже не было тяжёлым. Оно было как пауза, в которой можно собраться с мыслями.

Потом я пошла домой. Дома скинула куртку, поменяла джинсы на старые мягкие спортивные штаны, натянула тёплый свитер с растянутым воротом и принялась убираться. Протёрла тряпкой по полкам, смахнула пыль с подоконника, протёрла стол. И, конечно, включила музыку. Из колонок тихо полился голос, знакомый до мурашек, слова цепляли, будто кто-то специально подбирал их под моё настроение. Я подпевала вполголоса, иногда сбиваясь, иногда просто кивая в такт. Убравшись, я села на диван, укрылась пледом и включила какой-то старый фильм. Не выбирала специально, просто ткнула в первое, что попало. Кадры мелькали, голоса актёров сливались с тихим шумом дождя за окном, и на эти полтора часа я могла просто сидеть и ни о чём не думать.

В телефоне мелькнуло сообщение от Лены: «С Лёвой сегодня в кино были. Гуляли потом. Так классно. Надо втроём как-нибудь сходить куда-нибудь».

Я улыбнулась. Лев с Леной сегодня были в кино, гуляли вместе, поэтому позвать их к себе я не могла. Да и, честно говоря, сейчас мне хотелось побыть одной. Но я была рада, что у них всё хорошо. Рада, что хоть у кого-то в жизни всё идёт ровно, без надрывов и мучительных выборов.

Лев, кстати, тоже не знает, что мы с Денисом... ну, не просто друзья. Я ему не рассказывала. Хотя он, наверное, и так понял. Лев вообще многое понимает без слов. И я так рада, что он меня не осуждает. Просто кивает, когда я замолкаю на полуслове, или наливает чай, если видит, что я совсем без сил. Он не лезет с советами, не пытается всё исправить. Просто рядом. И от этого становится чуть легче дышать.

Иногда я ловила себя на мысли, как странно, что Лев и Лёша — близнецы, а такие разные. Лёша — огонь, который сначала вспыхивает, а потом уже думает. Всё на эмоциях, на

адреналине, на том, что «я сам разберусь, я всё решу». А Лев — тихая вода. Он не бросается вперёд, не ломает стены, но если ты стоишь на краю, он просто встанет рядом и не даст упасть.

Я посидела ещё немного, глядя на экран, где герои смеялись и ссорились, как будто их проблемы были совсем простыми, понятными. Потом выключила музыку.

За окном уже стемнело, фонари зажглись жёлтыми кругами, размытыми дождём.

Капли неторопливо стекали по стеклу, будто кто-то водил по нему пальцами, выводя непонятные узоры.

Я и не заметила, как уснула. Просто провалилась в эту тёплую, тяжёлую тишину, где не нужно было ничего решать.

А когда проснулась, уже лежала на кровати. Взглянула на время: два часа ночи. Посмотрела на другую сторону кровати: Леша лежал на животе, без майки, в одних джинсах, дыхание ровное, глубокое. В комнате пахло дождём и чуть-чуть его запахом, привычным, родным, от которого внутри всё сжималось.

Сердце вдруг заколотилось где-то у самого горла, гулко, отчаянно. Если не поговорю сейчас, то потом не смогу. Слова снова застрянут, стыд и страх сплетутся в тугой узел, и я опять буду прятать глаза и подбирать безопасные фразы.

Я тут же поднялась и начала будить его, тряхнула за плечо:

— Леш, вставай!

Он только невнятно промычал, подтянул подушку поближе, зарылся в неё носом.

— Леша!! — уже громче.

— Мм, родная, дай поспать... — пробормотал он, не открывая глаз.

— Нам надо поговорить! — воскликнула я.

Он чуть пошевелился, приоткрыл один глаз, посмотрел на меня мутно, ещё не до конца здесь, между сном и явью.

— В два часа ночи? — хрипло протянул он, поморщился, будто сам себе не верил, что произносит это. — Маш, ну в натуре, дай хоть пару часов нормально поспать. Я с пацанами посидел, наговорился до хрипоты, голова гудит. Давай завтра, а?

И, не дожидаясь ответа, повернулся на другой бок, натянул одеяло чуть выше, уткнулся носом в подушку, будто этим движением мог отгородиться не только от света, но и от всех моих невысказанных слов.

Я застыла на краю кровати, пальцы впились в простыню, будто она могла удержать меня от того, чтобы не трясти его снова, не кричать, не заставить услышать. Ладно. Пусть поспит.

Осторожно легла обратно, стараясь не потревожить матрас, не скрипнуть пружиной, не нарушить эту хрупкую тишину. Подтянула к себе край одеяла, уткнулась носом в ткань: она пахла стиральным порошком и чуть-чуть им, Лешей, этим его особенным запахом, который ни с чем не спутаешь.

Закрыла глаза. Но темнота за веками была не спокойной, а беспокойной и в ней кружились слова, которые так и остались невысказанными, как листья, гонимые ветром: «Я не смогла жить как раньше», «Рядом был другой», «Я запуталась». Они кружились, стучали в виски, просились наружу.

«Завтра, — сказала я себе, крепко зажмурившись, будто это могло удержать слова внутри. — Завтра я всё скажу».

А пока просто лежала, слушала его ровное дыхание, чувствовала, как тепло от его спины потихоньку пробирается через одеяло и смешивается с моим холодом.

4 часть. Маша.

Утро. Я проснулась первой, лежала, открыв глаза, и сама не знала, сколько времени так пролежала, просто смотрела на спящего Лешу. Сейчас он был совсем не тем уличным хули-

ганом, который умеет одним взглядом заставить всех замолчать, он был милым. Без брони, без этой своей наглой ухмылки, без привычки всё держать под контролем. Просто Леша. Мой Леша.

Не знаю, сколько я на него смотрела, но вдруг поняла: он уже не спит. Лежит, чуть прищурившись, и смотрит на меня в ответ.

— Доброе утро, — проямлила я, голос вышел какой-то непривычно тихий.

— Доброе, — хрипло ответил он, потянулся, и взгляд его скользнул вниз, прошелся по мне. Он чуть подвинулся, кончик его носа коснулся моего.

Я выдохнула. Он вздохнул. И тут меня накрыло: всё это — его близость, его запах, всё вдруг стало таким невыносимо правильным и в то же время таким неправильным, потому что где-то рядом всё ещё жил другой разговор, другая правда, которую я должна была сказать.

Я резко отодвинулась, не смогла выдержать эту нежность, она будто обжигала, потому что была не по праву.

Он тут же снова подвинулся, будто не хотел отпускать. И так несколько раз: я отодвигалась, он подтягивался, мы будто играли в какую-то нелепую, тихую игру, пока я в итоге не свалилась с кровати, неловко взмахнув руками и глухо ударившись локтем об пол.

— Машка, живая?! — Лёша тут же скатился с кровати, опустил на колени рядом со мной.

— Я в порядке, — пробормотала я, пытаюсь сесть.

— Глупая моя... — протянул он, и в этом «глупая» не было обиды, а была какая-то тёплая нежность. И вдруг, не слушая никаких возражений, подхватил меня на руки.

Я аж вскрикнула:

— Леш! Отпусти! Неприлично же!

— Да чё неприлично? — хохотнул он, чуть качнул меня, проверяя, крепко ли держит. — Свою жену на руках носить — это самое правильное дело. Это вообще святое.

Я ничего не ответила, только уткнулась лбом ему в плечо, чтобы он не видел, как у меня глаза на мокром месте.

— То, чем мы занимаемся, неприлично, а это — нет, — ухмыльнулся.

Я закатила глаза:

— Дурак.

Тут как назло прозвучал звонок в дверь: резкий, настойчивый, будто кто-то стоял и давил на кнопку, не собираясь уходить.

— К нам кто-то пришёл! — я дёрнулась, попыталась сползти, но он только крепче прижал.

— Ага, — спокойно кивнул, будто звонок был какой-то мелочью, не стоящей внимания.

— Леш! — я уже почти кричала. — Поставь меня, ну серьёзно! Кто там может быть?

— Пусть звонят, — махнул он плечом, будто это вообще не про нас. — Может, ошиблись дверью. Или рекламу суют.

— Леша, звонят же! — я снова дёрнулась, уже всерьёз, и он, наконец, чуть развернул меня: так что я теперь лежала животом на его плече, как мешок с картошкой.

— Леша, звонят!

— Да пусть, — снова отмахнулся, но тут я не выдержала и шлёпнула его по плечу. Он в ответ шлёпнул меня по заднице.

— Ай! Больно! — вскрикнула я.

— Не больно, хватит притворяться, — хмыкнул он, но всё-таки поставил меня на ноги, придерживая, пока я не встала ровно.

Я поправила свитер, провела ладонью по волосам, пытаюсь вернуть себе хоть каплю серьёзности, и пошла к двери, чувствуя, как он идёт следом: не вплотную, но рядом.

Звонок раздался снова, ещё раз, потом ещё, уже нетерпеливее.

Я замерла у двери, ладонь легла на холодную металлическую ручку. Сердце вдруг заколотилось где-то в горле: а вдруг это Денис?

— Кто там? — крикнула я.

За дверью на секунду повисла тишина. Потом раздался знакомый голос:

— Маш, открывай! Это я, Лев.

— И Лена! — весело отозвалась Лена.

Я распахнула дверь. Ребята застыли на пороге: Лев — серьёзный, чуть нахмуренный, будто пришёл не просто в гости, а с каким-то важным делом, а Лена рядом — сияющая, с пакетом пирожных в руках, будто весь мир должен быть таким же простым и вкусным, как эти эклеры.

— Вы чего? — спросила я, пытаюсь улыбнуться, но улыбка вышла натянутой, как резинка, которую слишком сильно растянули.

— Вы что, занимались с утра... — начала Лена, глаза у неё стали круглыми, а потом Лев резко кашлянул в кулак, и она тут же прикусила язык. — Ну... то есть... вы...

— Чего? — повторила я, чувствуя, как щёки начинают гореть. — Мы просто... ну, я упала с кровати, а Леша...

— Нормальные мы, — буркнул Леша откуда-то из-за моей спины, и тут я обернулась.

Он стоял, как был: с голым торсом, на плече ещё виднелся след от моей ладони. И выглядел он при этом до смешного невозмутимым, будто стоять полуголым перед братом и его девушкой — это самое обычное дело.

А я посмотрела мельком в зеркало в прихожей и чуть не застонала. Футболка перекручен, волосы стоят дыбом, как будто я не спала, а участвовала в драке. Конечно, они подумают, что мы... ну, понятно что.

Лена хихикнула, тут же прикрыла рот ладонью, но глаза у неё так и искрились.

— Да ладно, не парьтесь, — махнула она рукой, будто одним этим жестом могла стереть всю неловкость. — У нас тоже как-то раз... ну, в общем, тоже дверь открыли, а там...

— Лен, — тихо, но твёрдо оборвал её Лев, и она снова замолчала, только губы поджала, чтобы не рассмеяться.

Лев посмотрел на меня, потом на брата, потом снова на меня и в этом взгляде не было ни осуждения, ни насмешки, только тихое понимание. Он всегда так умел: не лезть с расспросами, не делать из мухи слона, просто быть рядом и держать равновесие, когда всё вокруг шатается.

— Мы тут... — Лев постучал пальцами по косяку, будто подбирал слова, которые не прозвучат глупо. — В общем, мы в кафе собирались, думали, может, вы с нами?

Леша хмыкнул, провёл ладонью по затылку, будто только сейчас сообразил, что стоит полуголый перед всеми, и натянул футболку, которая висела на спинке стула.

— Ну, если за пирожными, тогда можно, — ухмыльнулся он.

Лена снова хихикнула, но тут же сделала серьёзное лицо, будто изо всех сил старалась быть взрослой и тактичной.

— Конечно, — кивнула она. — Мы тут постоим, полюбуемся на прихожую.

Я стояла, переводя взгляд с одного на другого, и вдруг почувствовала, как напряжение, которое сжимало грудь последние дни, чуть ослабло. Не ушло, нет. Но стало не таким острым. Будто эта нелепая сцена, эти пирожные, эта неловкость — всё это было маленьким, уютным щитом, который на пару часов мог спрятать меня от тяжёлых разговоров и горьких признаний.

— Ладно, — выдохнула я, уже чуть спокойнее. — Сейчас соберусь.

Мы с Лешей зашли в комнату, и я тут же начала ворчать, захлопнув дверь, будто это могло спрятать нас от всех этих неловких взглядов и хихиканий в прихожей.

— Всё из-за тебя! Они подумали, что мы того!

— Того? Типа того? — он покрутил у виска, ухмыляясь, и спокойно открыл шкаф, будто вся эта суета была какой-то забавной ерундой.

— Леша! — я не выдержала и кинула в него подушку. Прямо в грудь.

Он поймал её на лету, приподнял бровь:

— И не знал, что моя женушка — драчунья, — хмыкнул, швырнул подушку обратно, и она упала мне на плечо, чуть не сбив с ног.

— Дурак, — буркнула я, но уже без злости

Он снял футболку, накинул тёплую кофту, потом потянулся к джинсам, а я резко вернулась к шкафу, будто если не смотреть на него, то и неловкость исчезнет. Стала рыться в вещах, вытаскивать первую попавшуюся кофту, снова ворчать себе под нос:

— Теперь Лена будет думать бог знает что...

— Да брось, — спокойно бросил Леша. — Она через пять минут про это забудет.

Я повернулась, когда уже оделась в джинсы, в тёмно-синюю кофту, которую всегда надевала, когда хотелось спрятаться в чём-то тёплом и неприметном. Леша сидел на кровати и смотрел на меня. Не нагло, не с этой своей привычной ухмылкой, а так, будто видел что-то, чего я сама не замечала.

— Что ты так смотришь? — я невольно поправила рукав, потом волосы, потом снова опустила руки, чувствуя себя неловко под этим взглядом.

— Ты такая горячая, когда злишься.

Я сглотнула. Неловко. И в то же время приятно.

— Не смотри так, — пробормотала я, отводя взгляд, но уголки губ сами собой чуть дрогнули. — А то опять подумают, что мы тут... ну, ты понял.

— Пусть думают, — он встал, подошёл, схватил за талию и притянул к себе так резко, что у меня сердце подпрыгнуло и ухнуло куда-то вниз. — Мне по барабану, что кто думает.

Уткнулся носом мне в шею и поцеловал. Я вздрогнула, положила руки ему на плечи: не отталкивая, но и не притягивая. Он продолжил целовать шею, скулу, перешёл на губы. И я почему-то и не отказалась. Наоборот, пальцы чуть сильнее вжались в его плечи. Леша выдохнул, прижался лбом к моему лбу, глаза чуть прищурены, улыбка кривая:

— Может, к чёрту это кафе? Давай в кровать.

Я уже почти кивнула, почти позволила себе эту слабость и тут из коридора раздался голос Лены, громкий, весёлый, как ведро ледяной воды:

— Мы ждём, ребята! Пирожные тают!

Я резко оттолкнула Лешу. Он фыркнул, провёл ладонью по лицу и крикнул:

— Да идём, идём!

Мы вышли в прихожую. Лена стояла, прислонившись к стене.

— Ну наконец-то, — протянула она, театрально выдыхая. — А я уже думала, придётся стучать в дверь и кричать: «Пожар!»

— Лен, дай людям собраться.

Я поправила кофту, пригладила волосы, попыталась стереть с лица следы этой внезапной слабости. Поймала взгляд Льва: он смотрел на меня спокойно, без лишних вопросов, будто говорил: «Всё нормально. Никто тебя не судит». И от этого стало чуть легче.

— Пошлите, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал обычно, буднично. — Тоже хочу сладкого.

Леша щёлкнул меня по носу и подмигнул:

— Держи темп, родная. А то без тебя самое вкусное уйдёт.

Мы вывалились из квартиры, шумной, немного нелепой компанией.

На улице сегодня было ветрено: так, что волосы у всех летели в разные стороны, будто пытались сбежать от этого дня. Лена болтала без умолку, знакомясь с Лешей: ей хотелось знать всё: про его друзей, про то, где он пропадал, про какие-то старые дворовые истории, которые Леша рассказывал с этой своей фирменной ухмылкой, будто всё тогда было не про жизнь, а про приключение.

А мы с Львом шли позади них, чуть в стороне. Ветер трепал воротник моей кофты, я всё время поправляла волосы, прятала ладони в карманы, чтобы не дрожали.

Лев шёл спокойно, размеренно, не торопился, не пытался заполнить тишину. И вдруг, не глядя на меня, тихо сказал:

— Я не буду лезть к тебе в душу, но скажу кое-что. Знаешь, как мой преподаватель говорил: «Не тяни kota за хвост, он всё равно цапнет, когда терпение кончится».

В этой его фразе было столько тихой правоты, что даже спорить не хотелось. Не давить, не требовать, не тянуть, а дать времени сделать своё дело.

— Спасибо, — прошептала я, и это «спасибо» вышло каким-то маленьким, почти неслышным, но очень настоящим. — Просто... спасибо, что не делаешь вид, что ничего не замечаешь. И в то же время не заставляешь всё выкладывать.

С самого первого дня, как пришла в их семью, Лев был ко мне доброжелателен: не как к чужой, не как к обузе, а просто как к человеку, которому можно налить чаю и сесть рядом.

Помню, Леша часто уходил с парнями во дворе «по делам», а я оставалась в их квартире с его родителями. И это «оставалась» звучало так, будто я была не женой, а какой-то временной гостьей, которую никто не обязан замечать.

Их родители пили каждый день. Не буйно, не страшно, а как будто это была такая обычная бытовая деталь: бутылка на столе, пустые глаза, дверь в комнату, которая закрывается, и тишина по ту сторону. Будто дети им вообще не нужны. Будто они сами себе не нужны.

А я сидела на кухне в этой маленькой двушке, доставшейся ещё с советских времён, с облупленным шкафчиком, с окном, из которого дуло, с линолеумом, который пузырился на стыке. Сидела и старалась не шуметь, чтобы не мешать. Чтобы не напоминать о себе.

И эта тишина была самой тяжёлой вещью на свете. Она давила, как бетонная плита, и хотелось просто исчезнуть, стать невидимкой.

Однажды Лев это заметил. Он тогда уже подрабатывал, ходил на какие-то дополнительные смены, учился программировать, сидел ночами за старым ноутбуком, который купил на остатки зарплаты. И вдруг начал приходить пораньше. Специально. Не потому что его кто-то просил, а потому что видел: мне тут одиноко.

Он заходил на кухню, скидывал куртку, садился напротив, наливал себе остывший чай и начинал болтать. Про ерунду: про какой-то баг в коде, про дурацкий сериал, который кто-то из ребят на работе обсуждал, про то, как странно пахнет осенью в их дворе. И я слушала, кивала, иногда даже улыбалась и от этого становилось легче. Потому что кто-то пришёл и сел напротив. Кто-то увидел, что я тут.

Мы много болтали. Он никогда не спрашивал: «А тебе тут нормально?», будто понимал, что этот вопрос сам по себе уже обидный. Просто был рядом. Просто не давал тишине меня съест.

Сейчас он идёт рядом, спокойный, надёжный, и ветер треплет его волосы, а он даже не замечает, просто шагает, смотрит вперёд, и я знаю: он не будет давить. Он умный не только потому, что программист, не только потому, что разбирается в каких-то сложных вещах, которые мне не понять. А потому что понимает людей. Понимает, когда надо говорить, а когда просто идти рядом.

Впереди Лена снова что-то выкрикнула, Леша хохотнул, и этот смех, громкий, немного дерзкий, родной, будто на секунду стёр всю эту старую боль. Будто можно было просто выдохнуть и сказать себе: «Сегодня не надо быть сильной. Сегодня можно просто дойти до кафе и съесть пирожное».

Мы пришли в кафе, где делали вкусные пирожные. Его посоветовала нам Лена.

Сели за столик. Официантка подошла к нам. Вид у неё был, конечно, ничего такой: грудь нараспашку, мини-юбка, красная помада и локоны.

— Здравствуйте, мальчики! Что будете заказывать?

Мы с Леной переглянулись.

— А мы что, тоже мужиками стали? — удивилась Лена.

— Не заметила вас, — натянуто улыбнулась девушка.

Я промолчала. Не любила таких девушек. Где женская солидарность? Если парень с девушкой, то не стоит смотреть в его сторону.

— Мы хотим заказать пирожные, — попытался вмешаться Лев и быстро сделал заказ, будто хотел поскорее убрать эту неловкость.

— Хороший выбор, — улыбнулась официантка. — А вы что будете?

Она наклонилась к Леше, и грудь её почти выпадала из блузки.

— Вот это советую, — ткнула пальчиком в меню. — Сладко.

Я скосила глаза в сторону Леша. На моё удивление, он не смотрел на её грудь. Он вообще уставился в меню, будто там была самая важная вещь на свете, будто там было написано, как спасти мир или хотя бы этот вечер.

Может, при мне так делает? Помню, когда мы только встречались, он на каждую смотрел. И я ругалась с ним из-за этого, а он шутил, что больше не будет, что просто смотрит. Когда мы поженились, он, конечно, перестал и говорил, что я — самая красивая девушка для него.

Но я не верю. В мире столько красивых девушек... Я не могу быть самой красивой. Как можно быть самой красивой, если красота — это не про одну, а про тысячи разных лиц, про веснушки, про смех, про то, как кто-то морщит нос, когда думает?

Леша поднял глаза, будто почувствовал мой взгляд, и подмигнул.

— Ты о чем задумалась? — тихо спросил он, наклоняясь ко мне. — Не нравится меню? Или эта... — он чуть кивнул в сторону официантки. — Да забей. Тут главное не она, а пирожные. Лена сказала, тут лучшие эклеры.

Лена тут же оживилась:

— Правда! Я три разных блога прочитала, везде пишут, что тут эклеры как у бабушки, только лучше!

— У какой бабушки? — хмыкнул Леша. — У твоей, что ли?

— Эй! — Лена шутливо стукнула его по руке. — Моя бабушка вообще торты не печет. Она говорит: «Зачем печь, если в магазине всё есть».

Лев тихо усмехнулся, глядя на них.

Лена и Леша напоминали мне брата и сестру. Знакомы всего три дня, а уже так легко перебрасываются колкостями, будто сто лет друг друга знают. Лена хохочет, Леша подначивает, и в этом их шуточном противостоянии было что-то такое правильное. Как будто мир всё ещё умеет быть простым.

Я смотрела на них и вдруг поймала себя на мысли, что улыбаюсь.

Официантка принесла заказ: чашки, тарелки, эклеры, которые и правда выглядели так, будто их только что достали из духовки.

— Приятного, — бросила она и ушла, покачивая бёдрами, будто даже это было частью её работы.

Лена тут же схватила эклер:

— Ну, пробуем!

И когда она откусила, её глаза стали круглыми, а лицо таким счастливым, будто она только что нашла смысл жизни.

— О-о-о... — протянула она с набитым ртом. — Это... это...

— Язык проглотила? — поддел её Леша, но сам уже тянулся к своему эклеру.

Я тоже подвинула к себе свой эклер.

— Вкусно, — сказала, когда кусочек таял на языке, сладкий, нежный, с лёгкой кислинкой крема.

Леша довольно хмыкнул:

— Значит, не зря шли.

Лев тоже начал есть аккуратно, как всегда, будто даже десерт надо было освоить по инструкции. Откусил, чуть задержал во рту, кивнул своим мыслям.

— Я помню, ты раньше не ел сладкое, — сказала я ему, сама не зная, зачем вдруг это вспомнила.

— Начал, — спокойно ответил Лев и чуть скосил взгляд на Лену, будто этим одним словом всё объяснялось.

Та широко улыбнулась, так, что даже глаза засветились:

— Со мной жизнь сладкая, поэтому и надо есть сладкое!

Леша фыркнул:

— Это ты про ту историю, когда ты в магазин зашла и решила, что кассир с тобой флиртует, устроила разбор полётов, и тебя чуть не выгнали? Вот это я понимаю — сладость. Чистый сахар.

Лена тут же показала ему неприличный жест:

— Я не такая!

— Ага, конечно, — протянул Леша, откусывая ещё кусочек эклера и жмурясь от удовольствия. — Ты просто ходячий повод для десерта. Где ты — там стресс. А где стресс — там сладкое обязательно. Логика железная.

Я не выдержала и рассмеялась.

Лев чуть улыбнулся уголком губ, будто и не участвовал в этой перепалке, а просто наблюдал, как всё складывается:

— Главное, что эклеры хорошие. Остальное детали.

Лена надулась на секунду, потом махнула рукой:

— Ладно, ладно, я шумная. Зато со мной не скучно!

— Ещё по одному? — вдруг предложил Леша, подмигнув мне.

Я покачала головой, но улыбка всё равно не сходила с лица:

— Хватит с меня. А то завтра вообще не влезу ни в одни джинсы.

— Ну, я тогда за двоих, — тут же заявил он и щёлкнул пальцами, подзывая официантку, хотя та и не собиралась к нам подходить. — Жизнь-то сладкая! Надо соответствовать!

Лена закатила глаза, но хихикнула, Лев тихо фыркнул, а я просто сидела и смотрела на них и чувствовала, как внутри потихоньку становится тише.

— Кстати, вы так и не рассказали, как познакомились вообще? — спросил Леша, засунув в рот целое пирожное. Крошки посыпались на стол, он даже не заметил, только рукой махнул. — А то сидим, болтаем, а я вообще не в курсе, как эта история закрутилась.

Лев чуть приподнял бровь, будто взвешивал: стоит ли вообще в это лезть, но Лена тут же пихнула его в бок:

— Давай, рассказывай! Пусть Леша знает, какой ты у меня герой!

— Да какой герой... — спокойно начал Лев, но в уголках губ всё равно мелькнула улыбка. — Просто как-то задержался на работе, код не шёл, голова уже кипела. Вышел подышать, а тут Лена стоит у подъезда, в капюшоне, с коробкой какой-то, дрожит вся. Говорит: «Я к тётё приехала, а тётя не отвечает, телефон сел, а на улице уже темно...» Ну, я и подумал: не бросать же человека. Предложил подождать вместе, если тётя не перезвонит. Посидели на лавочке, она всё про эту коробку болтала, будто если не болтать, то замерзнет. Потом тётя наконец ответила, оказалось, она просто в магазин ушла и забыла телефон. Ну, я её до квартиры проводил, чтобы точно всё нормально было. А потом как-то пошло-поехало. Кофе, прогулки, вот это всё.

Леша слушал, жуя, потом хмыкнул, вытер рот тыльной стороной ладони и выдал в своей фирменной манере:

— Ну ты даёшь, братан. То есть ты реально просто сидел и ждал, пока какая-то девчонка телефон дождётся? Без подката?

Лена расплылась в улыбке, будто это была самая лучшая похвала на свете:

— Вот! Я же говорю, что он у меня идеальный!

— Да не идеальный, — спокойно возразил Лев, чуть качнув головой, но в глазах у него было видно: приятно. — Просто не люблю, когда кому-то страшно и одиноко. Зачем мимо проходить?

— Это правильно, — буркнул мой муж и потом потянулся к ещё одному эклеру и, уже откусывая, добавил: — Главное, что не бросил. Остальное мелочи.

— А ты, Маш, — вдруг повернулся ко мне Леша, подмигнул, — и ты расскажи, как со мной познакомилась? Пусть Ленка знает, какой я был «герой».

Я хмыкнула:

— Он тогда шёл, задирает нос, будто весь район ему должен, а потом поскользнулся и чуть не сел прямо посреди тротуара. А я стояла и думала: «Ну вот, опять какой-то хулиган». А он поднялся, стряхнул снег, посмотрел на меня и сказал: «Не пялься так, будто я специально. Просто тут лёд, а у меня ботинки не для парада». И я почему-то сразу поняла: он не такой уж и крутой.

Леша закатил глаза:

— Я специально этот трюк репетировал. Хотел произвести впечатление.

— Ага, произвёл, — фыркнула я. — Впечатление, что надо срочно шарф дать, чтобы не замёрз.

Лена захихикала, Лев тихо усмехнулся, и мы все вместе рассмеялись так, что на нас начали оборачиваться другие посетители кафе. Но мне было всё равно. В этот момент казалось, что даже если весь мир смотрит — пусть смотрит.

Мы поели и распрощались. Каждый пошёл к себе домой. После того как Леша устроился охранником в клуб, он начал зарабатывать нормально, и мы переехали в свою квартиру. Двушка, уютная, своя, не та тесная хата с чужими проблемами за стенкой. Лев тоже снял отдельную квартиру и живёт там с Леной.

— Леш, ты чего медлишь? Холодно же, — проворчала я, заметив, как он отстал, будто ноги у него вдруг стали ватными. — Пошли, а то я сейчас носом синеть начну!

— Да погоди ты, не гони, — он вдруг схватил меня за руку, притянул к себе и пошёл широким шагом, будто не по тротуару, а по сцене, где он главный герой. — Давай прогуляемся чуток? Романтичная погода же, родная!

— Чего?! — я резко остановилась, ветер тут же швырнул прядь волос мне в лицо, и я сердито сдула её. — Какая романтичная? Тут ветер такой, что все с головы срывает!

— Ну ты чего, Машка, — он снова потянул меня вперёд, не грубо, но так, что сопротивляться было бесполезно. С этим его упрямством спорить себе дороже. — Осень вообще по жизни романтик. Листья летят, фонари горят, всё такое... ну, атмосферное. Ты вон в шарфе, нос торчит, прям как в кино. Я бы даже клип снял, если б телефон не разрядился.

Я фыркнула, но руку не выдернула, потому что ладонь у него была тёплая, а ветер и правда пробирал до костей.

— Ты опять свои дурацкие теории говоришь, — буркнула я, но всё-таки пошла рядом, подстраиваясь под его размашистый шаг. — «Атмосферно»... Да тут хоть в шубу влезь, всё равно зубы стучать будут.

— Зато вместе стучат, — ухмыльнулся он, свободной рукой поправил мой шарф, натянул его чуть выше, чтобы шею прикрывало. — Вот смотри: мы идём, ветер орёт, листья по асфальту шуршат, а мы тут такие... ну, свои. Это и есть романтика, Машка. Не свечи и не розы, а вот это: ты злишься, я болтаю, а мир хоть и холодный, а нам нормально.

Я покосилась на него. В свете фонаря его лицо было чуть серьёзнее обычного, без привычной наглой ухмылки, просто Волков, который хотел сделать вечер чуть лучше, хоть и своими кривыми методами.

— Ладно, — вздохнула я, но в этом вздохе уже не было раздражения. — Пять минут. Но если я начну превращаться в сосульку, то ты сам будешь меня отогревать.

— Легко, — он тут же закивал, будто это была самая простая задача на свете. — Я тебя так согрею, что тебе понравится.

Прозвучало двусмысленно и я закатила глаза.

Мы шли дальше, и ветер всё так же гнал по тротуару сухие листья, фонари отбрасывали длинные тени, а город шумел где-то сбоку, не трогая эту маленькую, нашу тишину.

И тут я увидела бабушку, продающую цветы. Ромашки простые, чуть поникшие, но такие родные, будто из детства. Леша тут же потащил нас к ней, шаг ускорил, будто это не цветы, а какой-то суперприз, который вот-вот заберут.

— Здравствуйте! По чем ромашки? — выпалил он, чуть наклоняясь к бабушке, чтобы расслышать сквозь ветер.

Бабушка улыбнулась, морщинки вокруг глаз собрались в добрые лучики:

— Да недорого, сынок. Для хороших людей вообще почти даром.

— Нам... ну, давай штук пять. Или семь. Чтобы точно хватило на романтику. А то погода такая, что без ромашек вообще никак.

Я стояла, пряча улыбку в шарф, и думала: ну вот, опять он всё переворачивает с ног на голову, делает из обычного вечера какой-то свой, особенный и широкой душой.

— Ты серьёзно? — не удержалась я. — Семь ромашек?

— А что? — он покосился на меня, будто я предложила что-то немыслимое. — Мало ли, вдруг по дороге ещё кого надо будет порадовать. Или ты думаешь, я только для тебя стараюсь? Я вообще человек щедрый. Ну, когда деньги есть. А сейчас есть!

Бабушка аккуратно собрала ромашки, перевязала их тонкой ленточкой и протянула Леше:

— Держи, сынок. Пусть радуют.

Леша взял букет, прижал к груди, будто это был не пучок цветов, а какой-то трофей, и тут же протянул мне:

— На, родная. Держи. Это тебе.

Я взяла ромашки, вдохнула их лёгкий, чуть горьковатый запах и вдруг поняла, что улыбаюсь.

— Спасибо, Леш, — тихо сказала я, глядя на него.

Он потянул меня за руку, и мы пошли дальше, а ветер всё гнал листья, и город шумел, и всё было как надо.

Мы погуляли и зашли домой. Я тут же поставила цветы в вазу на кухне, пусть стоят, пахнут, делают квартиру чуть живее. Потом пошла в душ, смыла с себя этот ветер, холод, городские запахи. Вышла, накинула тёплый свитер, волосы собрала в небрежный пучок и замерла в проёме гостиной.

Леша стоял у окна, телефон прижат к уху, лицо жёсткое и слова летели резкие, с хрипотцой, с той самой интонацией, которую я знала слишком хорошо: интонацией улицы, где всё решается быстро, где «нет» — это уже почти ссора.

— Я же сказал, что завязал, — рявкнул он в трубку, чуть понижая голос, будто спохватился, что я рядом. — Чего ты опять эту тему поднимаешь?

Пауза. Он поморщился, провёл ладонью по затылку, будто хотел стряхнуть эти слова, которые ему швыряли с той стороны.

— Ну устрой по-братски, я же кулаками бить не буду сразу, — снова голос собеседника, настойчивый, просящий, с этой привычной уличной «братской» интонацией, от которой у меня внутри всё сжималось.

Леша выдохнул, стиснул телефон, потом чуть расслабил пальцы, будто напоминал себе: спокойно, тут не надо взрываться.

— От души, братан, я подъеду завтра с утра, ладно? Поговорим нормально, без нервов, — уже тише, почти спокойно, но в этом «спокойно» чувствовалось напряжение, как в пружине, которую сильно согнули. — Да, да, без движухи.

Он нажал отбой, замер на секунду, будто привыкал к тишине, потом сунул телефон в карман и только тогда будто заметил меня.

Я сидела на диване, поджав одну ногу, смотрела на него не с упрёком, не с обидой, а просто смотрела, будто пыталась разглядеть, где тот парень, который полчаса назад смеялся, покупал ромашки и говорил, что осень — это романтика.

Он замер, поймал мой взгляд, и в его глазах на секунду мелькнуло что-то вроде вины, будто он забыл, что я вообще тут, и теперь не знал, как вернуть ту лёгкость, которая была между нами на улице.

— Кто был? — спросила я.

— Да так, пацан один, — бросил Леша, будто это вообще ничего не значило, и тут же потянулся за пультом. — Посмотрим фильм? Тут какой-то боевик новый, говорят, жесткий.

Я обиженно поджала губы. Он всегда так делал. Никогда не рассказывал мне про эти свои «мужские дела». Всегда говорил, что это не бабское дело, будто если я не в курсе, то и волноваться не буду. А я как раз и волновалась от этого «не буду знать».

— Куда ты завтра с утра поедешь? — упрямо повторила я, не сводя с него глаз.

— Да там... — он пожал плечами, избегая смотреть на меня, водил пальцем по кнопкам пульта, будто изучал их как какую-то сложную карту. — По делам одним. Разберусь и вернусь. Ты не парься, родная, ладно?

— Не парься? — голос сам собой чуть дрогнул, и я тут же прикусила язык, чтобы не сорваться на крик. — Леш, ты с кем-то сцепился по телефону, какие-то «пацаны» тебя просят «по-братски», ты говоришь, что подъедешь... А я должна просто сидеть и не париться?

Он наконец поднял глаза и в них мелькнуло то самое, знакомое: та самая мужская уличная смесь, которую я видела в его глазах в начале наших отношений.

— Маш, ну правда... — выдохнул он и отложил пульт. — Это старые дела. Я завязал, честно. Но пацаны не понимают с первого раза. Им надо в лицо сказать, спокойно, без нервов, чтобы до них дошло: я теперь не там. У меня тут жизнь другая. С тобой.

Он помолчал секунду, потом наклонился ко мне, взял мои руки в свои: тёплые, чуть шершавые, и тихо, уже без бравады, добавил:

— Я не хочу, чтобы ты думала, что я опять куда-то лезу. Я просто хочу закрыть эту дверь. Чтобы больше не звонили, не дёргали.

Я смотрела на него и пыталась понять: это он опять свои мужские отмазки гонит или правда старается?

— Ладно, — тихо сказала я, чуть сжала его пальцы в ответ. — Но ты мне Расскажи. Хоть в двух словах.

— Помнишь, я раньше бил чуваков, которых мне говорили?

В голове у меня тут же вспыхнули картинки: Леша поздно приходит, прячет взгляд, воротник куртки в пятнах, костяшки сбиты, а он отмахивается: «Да так, поскользнулся». А потом я всё узнала и тогда впервые на него накричала, не плакала, не умоляла, а именно кричала, потому что страшно было до тошноты. И когда эти люди от него отвязались, то я выдохнула. Думала, всё, закрыли эту страницу.

— И что там? — спросила я, и голос прозвучал жёстче, чем я хотела.

— Предлагают заново взяться, — он сказал это буднично, как будто речь шла не о том, чтобы снова ломать чужие кости, а о подработке на выходных. — Типа: «Ты же умеешь, не подведи, по-братски».

Я почему-то разозлилась. Не знаю почему: то ли от того, что старые страхи опять навалились, то ли от этой его спокойной интонации, будто он всерьёз обдумывает.

— Не смей! — я резко встала с дивана, сама не заметив, как пальцы сжались в кулаки.
— Ты не будешь заново ввязываться в это!

Он чуть приподнял бровь, попытался натянуть эту свою привычную ухмылку, будто хотел всё свести к шутке:

— Приказываешь, женушка?

— Я не шучу, Леш! — я шагнула ближе, смотрела прямо в глаза, чтобы он точно понял: тут не до шуток. — Это опасно. Да и вообще... ты сам приходишь весь в синяках, в крови. А эти люди не про «один раз, без нервов». Они про то, чтобы ты снова стал их кулаком.

Он помолчал. Улыбка сползла с лица, и на секунду он снова стал тем Лешей, который когда-то оправдывался, пряча руки в карманы, чтобы я не видела, какие они разбитые.

— Люди, которых они говорят избивать, — он тихо выдохнул, будто эти слова давили ему на грудь, — они сильные. Не какие-то пьяные, которые сами нарываються. Это система. И если ты в неё раз влез, потом сложно просто сказать «я завязал».

Я сжала зубы, чтобы голос не дрожал:

— А ты скажи жёстче. Не «я подумаю», не «я подъеду поговорить», а просто: «Нет. Я не буду». Пусть слышат. Пусть знают, что ты не тот парень с района, который готов за деньги кулаки распускать. Ты теперь другой.

Леша смотрел внимательно на меня, а потом вдруг схватил за руку и усадил к себе на колени.

— Ты что делаешь? — растерялась я.

— Я рад, — просто сказал он, будто это было самое важное слово на свете.

— Что?

— Два года прошло. Я думал, тебе уже стало плевать на меня. А тут те же самые чувства. Та же злость, та же забота. Как будто ты всё ещё во мне что-то видишь.

Я замолчала. В голове вдруг всплыл Денис. Не вовремя он. Зажмурила глаза, стиснула пальцы, будто могла вытолкнуть эту мысль усилием воли. Чёрт. Что я делаю? Зачем я так цепляюсь за Лешу, если где-то внутри всё ещё живёт эта старая, упрямая надежда на что-то другое?

Тут Леша поцеловал меня в подбородок. Я открыла глаза. Он смотрел на меня нежно, без привычной бравады, без маски «уличного хулигана» — просто Леша, уставший, живой, настоящий.

— Ты не представляешь, как мне это нужно было услышать, — тихо сказал он, чуть прижимая меня к себе, будто хотел впитать эту минуту, сделать её своей бронёй против всего, что ждало за дверью. — Что ты всё ещё со мной.

Я положила голову ему на плечо, закрыла глаза, и на секунду весь мир сжался до этого дивана, до его тёплой руки на моей спине.

— Просто скажи им «нет». Один раз. Громко. Чтобы они поняли.

Он чуть улыбнулся, уткнулся лбом в моё плечо:

— Скажу. Завтра. Прямо в лицо. Ради тебя.

Этой ночью я спала почему-то беспокойно. Не могла уснуть. Ворочалась постоянно то на один бок, то на другой, то подушку мяла, будто из неё можно было выжать тишину. Да так, что Леша в какой-то момент не выдержал, зарылся лицом в одеяло, а потом резко приподнялся на локте и проворчал:

— Маш, ну ты можешь уже выбрать одну позу и замереть, а? Не кровать, а полигон какой-то.

Я замерла, сжалась, будто меня поймали на чём-то стыдном:

— Прости... Просто мысли не выключаются. Как будто кто-то в голове радио на полную крутит и не даёт кнопку найти.

Тогда Леша молча подвинулся ко мне, положил руку мне на живот, а лицом уткнулся мне в шею.

— Спи, — буркнул он, будто одного этого слова должно было хватить, чтобы все тревоги разбежались.

Я попыталась заснуть, честно. Сжала веки, заставила себя не думать ни про завтрашнюю встречу, ни про старые долги, ни про то, что всё может снова пойти наперекосяк. Но тут Леша начал дышать мне в шею: ровно, глубоко, и от этого тёплого дыхания по коже побежали мурашки. Стало невыносимо щекотно. Я закусила губу, пыталась сдержаться, но не вышло: тихо захихикала.

— Маш, ты пьяная? — тут же вскинулся он, чуть отстранился и покосился на меня в темноте, будто всерьёз подозревал, что я тайком припрятала бутылку и вылакала её под одеялом. — Или это подушка такая смешная? Чего ты ржёшь?

— Мне щекотно! Ты дышишь мне в шею! — выпалила я, снова хихикая и пытаюсь увернуться, но он тут же придержал меня свободной рукой, не давая уползти.

— Да ладно, какая у меня жена нежная, — хмыкнул он. — Я вообще стараюсь тихо быть, чтобы ты уснула, а ты тут хихикаешь, как маленькая.

— Не могу! — я всё-таки вывернулась, повернулась к нему, уткнулась лбом ему в плечо. — Ты как пылесос: дуешь и дуешь...

Он обнял меня крепче, притянул к себе так, что я оказалась прижатой к его груди, и уже тише, почти шёпотом, сказал:

— Ладно, не буду дышать. Буду просто лежать. Как статуя. Только ты тоже не крутись, а то мы так до утра не уснём.

— Обещаешь? — пробормотала я, вдыхая знакомый запах его футболки: немного улицы, немного стирального порошка, немного самого Леша.

— Клянусь, — серьёзно кивнул он, хотя в темноте я скорее почувствовала этот кивок, чем увидела. — Никаких дыханий, никаких шумов. Только тишина.

И я заснула. Ну, точнее, не сразу, а когда Леша начал легонько хлопать меня по спине: ровно так, как надо, не сильно, но ритмично, будто отбивал какой-то свой, тихий такт. У меня вообще с детства так: без этого никак. Мама всегда так делала: погладит, похлопает, и мир будто становился тише, безопаснее, и глаза сами закрывались. Вот и осталась привычка.

Когда Леша впервые об этом узнал, он тогда хмыкнул, посмотрел на меня чуть сверху вниз, с этой своей мальчишеской ухмылкой, и бросил:

— Ты как маленькая, Маш.

А мне вдруг стало так обидно, что даже дышать тяжело стало. Не из-за слов даже, а из-за того, что он будто стёр что-то важное, тёплое, из моего детства, превратил это в повод для усмешки. Я тогда не разговаривала с ним целые выходные: ходила по квартире, делала вид, что очень занята, а сама просто пыталась спрятать эту обиду, чтобы она не лезла наружу.

Он сначала думал, что это из-за какой-то другой ерунды: то ли мы из-за кофе поспорили, то ли он опять дверь не до конца закрыл. А потом как-то вечером сел напротив, посмотрел серьёзно, без привычной бравады, и тихо сказал:

— Прости. Я не подумал. Не круто с моей стороны.

И с тех пор он не смеялся. Наоборот, если видел, что я ворочаюсь, что мысли опять крутятся в голове, как карусель, он просто подходил, садился рядом, клал руку мне на спину и начинал легонько похлопывать. В такт, ровно, будто говорил без слов: «Я тут. Всё нормально. Можешь закрыть глаза».

Вот и сейчас он так делал: не спеша, будто у него впереди целая вечность, и вся эта вечность нужна только для того, чтобы я наконец уснула.

Я уткнулась носом в подушку, почувствовала, как тяжесть, которая весь вечер висела на плечах, потихоньку сползает, растворяется в этом простом, знакомом ритме. И уже сквозь сон пробормотала:

— Спасибо...

— Да не за что, — тихо отозвался он, чуть наклонившись ко мне, будто боялся даже голосом спугнуть этот момент. — Спи. Я тут.

И я уснула. По-настоящему, глубоко, без тревожных картинок, без радио в голове. Просто провалилась в темноту, где было тепло и спокойно, потому что рядом был тот, кто не смеялся над моими маленькими слабостями, а просто тихо держал их в своих больших, немного грубых, но таких надёжных руках.

5 часть. Леша.

Я проснулся рано: ещё темно было, только фонари по улицам горели, как уставшие глаза. Машка ещё спала: свернулась калачиком и спрятала нос в подушку. Я смотрел на неё секунду, две и будто весь этот тяжёлый ком в груди чуть распускался.

Старался не шуметь: носки натянул, куртку накинул, ключи тихо в карман сунул.

Вышел на улицу и холод сразу в лицо ударил, будто отрезвлял. Ветер гнал по асфальту сухие листья, фонари мигали, будто спотыкались. Я шёл к остановке, сжимал кулаки в карманах и думал, что надо разобраться спокойно и без нервов.

Но такие не понимают с первого раза.

Пацаны эти не плохие, но и не хорошие, а просто другие. Из той жизни, где «завязал» — это не кнопка, которую нажал и всё. Там это надо доказывать. Каждый день. Снова и снова.

У нас у пацанов на улице знаете как всё обстоит? Наше слово — оно не на бумаге пишется, оно делом держится. И если ты один раз дал понять, что вышел, то надо стоять на своём, даже если все вокруг кивают, будто понимают, а сами ждут, когда ты снова шагнёшь в ту же колею.

Я сел в маршрутку, уставился в окно, на серые дома, на людей, которые спешили куда-то, закутавшись в шарфы, и вдруг поймал себя на мысли: а ведь я уже не тот. Два года назад я бы даже не думал, просто кивнул бы: «Ладно, раз надо». А сейчас внутри всё упиралось, сжималось, потому что знал: если соглашусь, то вернусь туда, откуда Машка меня вытащила своим криком, своими слезами, своим «не смей».

Маршрутка остановилась, я вышел, пошёл по знакомому двору: здесь всё было как в прошлой жизни: те же гаражи, те же углы, где когда-то решалось всё быстро и жёстко. Пацаны стояли у подъезда: кто-то курил, кто-то смеялся, но смех был не весёлый, а какой-то натянутый, как струна.

— О, Леха! — крикнул кто-то. — А мы думали, ты вообще пропал.

Я подошёл и остановился в паре шагов.

— Здорово. Не пропал. Просто живу по-другому.

— Да ладно тебе, — махнул рукой Бугор, тот самый, который когда-то и позвал меня в клуб. — Ты же знаешь, дело хорошее, платят нормально. И ты умеешь. Не то что эти новички, у которых руки трясутся.

Я сжал зубы, но голос держал ровным:

— Я завязал.

Артем прищурился, будто пытался прочитать, шучу я или всерьёз:

— Ну, это ты вчера так говорил.

— Слушай, ты же знаешь, я сидел, — я чуть подался вперёд, но тут же осадил себя, не надо было накалять. — И там времени подумать было выше крыши.

Бугор хмыкнул, прикурил, выпустил дым в холодный воздух:

— Знаю. Хреново там. Никому такого не пожелаешь.

— Вот именно, — кивнул я. — Поэтому я завязал.

Он помолчал, стряхнул пепел, будто вместе с ним сбрасывал с себя эту привычную браваду.

— Ты изменился, Лех, — наконец сказал он, не насмешливо, а так, будто констатировал факт. — Раньше бы ты даже не думал, а кивнул и пошёл. А сейчас у тебя своя правда.

— Не изменился, — поправил я тихо. — Просто повзрослел. Или просто понял, что есть вещи, ради которых не стоит снова падать. У меня теперь в общем, есть ради чего держаться.

Бугор ещё пару секунд смотрел на меня, потом медленно кивнул, будто принимал этот новый расклад:

— Ладно. Я то тебя слышал. А что насчет Клыка?

Я сжал челюсть так, что зубы скрипнули. Услышал это имя и будто снова тот холод по спине пробежал, какой был в первый день, когда я в эту компанию зашёл. Клык... Про него даже пацаны шепотом говорили, если рядом чужих не было. Не из уважения, а из страха. Он не орал, не махал руками, не строил из себя крутого. Он просто смотрел и ты уже чувствовал, что лучше кивнуть и сделать, что велено.

— Да что Клык... — голос у меня сам чуть ниже стал, будто я даже произносить это имя громко не хотел. — Я с ним дел не имел, только через пацанов, через таких, как ты.

Бугор хмыкнул, глянул куда-то в сторону:

— Да знаю. Он вообще не любит, когда кто-то «выходит». Для него это как личное. Типа: «Ты мой и точка».

— Вот именно, — я выдохнул, и этот выдох получился злым, но не на Артема, а на всю эту историю, которая никак не хотела отпускать. — Я больше не его. У меня теперь своя жизнь. Своя дорога.

Бугор помолчал, потом снова посмотрел на меня уже без прищура.

— Слушай, братан, я тебя не подставляю, ладно? Если он спросит про тебя, то я скажу, что ты завязал. Что ты не ищешь движухи. Но ты сам понимаешь: Клык не тот, кто просто кивнёт и забудет.

Я кивнул. Понял. Слишком хорошо понял.

— Понимаю. Я не собираюсь прятаться. Если надо будет, то скажу ему в лицо. Только не сегодня. Сегодня мне надо домой.

Бугор чуть наклонил голову, будто уважал эту прямооту:

— Ладно. Держи дистанцию. И береги себя, Лёха. Тут такие люди не любят, когда кто-то просто «берёт и выходит».

Я снова кивнул, уже разворачиваясь, чтобы уйти.

— От души, что предупредил. И что слышал сегодня. Это много значит.

И пошёл прочь, уже не оглядываясь. Ветер снова ударил в лицо, но теперь он не казался таким ледяным. Да, впереди ещё могла быть буря. Да, Клык мог однажды встать на моём пути. Но сейчас я шёл по своему двору, по своей улице, и знал одно: я не сверну. Не ради страха, не ради старых долгов. А ради того, что ждёт меня дома.

Ради Машки. Я же пиздец как люблю её. Не так, как в этих фильмах, где всё красиво, пафосно, будто по сценарию. А по-своему: грубовато, но до самого дна. Так, что если её нет рядом, то в квартире тишина какая-то неправильная, будто стены слишком близко подступают.

Прошло три года, как мы начали отношения. Ей тогда было семнадцать. Пересеклись во дворе, как в какой-то нелепой комедии. Она гуляла с одноклассниками, смеялись, болтали, косички эти свои поправляли. А мы с пацанами по двору мяч гоняли. И вот я, конечно, как всегда, с размаху и бац! Мяч летит, будто сам по себе, и прямо в неё.

А она что? Правильно, разревелась. Не просто всхлипнула, а так, что весь район будто на паузу встал. Мне тогда девятнадцать лет было, а детства Лев мне вбивал: к девочкам надо помягче. Они же девочки. Обижать не смей. Даже случайно. И я не привык их обижать. Ни словом, ни делом. Поэтому пошёл извиняться. Ноги будто свинцом налились, каждый шаг давался тяжело.

Подошёл, стою, мну кепку в руках, как мальчишка. А она сквозь слёзы, не поднимая глаз, выпалила: «Дурак!» — и ушла, оставив меня одного сгорать от стыда и чего-то ещё. Чего-то острого, что в груди кольнуло и не отпускало.

И вот тогда-то я и влюбился. Не когда она улыбалась, не когда смотрела на меня так, будто я самый крутой на районе. А именно тогда, когда назвала дураком, заплакала и ушла. Потому что в этом «дураке» было столько правды, столько искренности, что я вдруг понял: вот она, настоящая. Не приукрашенная, не подстроенная под кого-то. Просто Машка.

Потом я её искал. Не специально, будто случайно. То у подъезда встречу, то во дворе. Каждый раз извинялся, будто это могло стереть тот дурацкий удар мячом. А она сначала отворачивалась, фыркала: «Опять ты!» — а потом начала улыбаться. Сначала чуть-чуть, одними уголками губ. Потом уже в голос смеялась, когда я опять что-то не то ляпну.

А потом всё пошло само. Провожал её домой, слушал, как она про школу рассказывает, про учителей, про друзей. Я половину не понимал, но слушал. Просто чтобы слышать её голос.

Сейчас вспоминаю это и улыбаюсь про себя. Вроде бы ничего особенного: мяч, слёзы, слово «дурак». А для меня это был самый главный момент. Тот, с которого всё началось.

Наверное, все вокруг думали, что я дурак, раз, как только ей восемнадцать стукнуло, сразу предложение сделал. Мне двадцать было и вроде уже не мальчишка, а по факту такой же пацан: жил с пьяными предками в однушке, на автомойке горбатился, руки в мыле и мазуте по локоть. Что я ей мог дать? Да почти ничего. Видел, что ей там неуютно, что она по углам жмётся, старается не смотреть на то, как отец орёт, как мать молча в стену смотрит. Но я хотел её к себе забрать. Безумно хотел. Чтобы она была моей. Чтобы я шёл домой, а она встречала, улыбалась, целовала, будто весь этот серый, тяжёлый день смывало одним её «привет».

Для нас, пацанов, это вообще не обыденная вещь, когда жена встречается. У многих и слова-то такого в обиходе не было: «жена». Это что-то взрослое, серьёзное, почти чужое. Кто-то из пацанов смеялся: «Лёха, ты чё, в семью играешь?» Кто-то кивал уважительно, будто понимал: «Ну, значит, по-настоящему».

А я не играл. Я просто хотел, чтобы у меня было место, куда хочется возвращаться. Не просто стены, не просто кровать, а человек, который делает эти стены домом.

И вот эта мысль тогда грела, даже когда денег не было, даже когда родители снова устраивали скандал, а Машка сидела на кухне, обняв колени, и старалась не дрожать: *«Пусть хоть стены кривые, пусть хоть соседи орут через стенку, главное, что мы вдвоём. А вдвоём уже не страшно».*

Я шёл по своему двору, вдыхал этот холодный, сырой воздух, и чувствовал, как внутри что-то крепнет. Да, Клык может однажды встать на моём пути. Да, старые долги не любят, когда их забывают. Но я не сверну. Не ради страха, не ради чужих ожиданий. А ради Машки. Ради того, чтобы она больше никогда не плакала из-за меня. Ради того, чтобы каждый день видеть, как она улыбается, даже если это будет просто улыбка из-за того, что я опять что-то не так сказал.

Ради неё я стану лучше. Даже если придётся каждый день доказывать это не словами, а поступками. Даже если придётся стоять твёрдо там, где раньше бежал не оглядываясь.

Потому что она — моя тихая правда. Мой якорь. И я никому не позволю снова заставить её плакать.

6 часть. Маша.

Когда я проснулась, Леша уже не было. Кровать была холодной с его стороны, а значит, ушёл давно. Я села, подтянула колени к груди, уткнулась в них лбом. Он ушёл на эти свои «переговоры» с парнями. А у меня внутри всё сжималось, будто кто-то невидимый тянул за тонкую нитку где-то под рёбрами.

Они же мальчишки: без кулаков оттуда не выходят. Для них «поговорить» — это не чашки чая попить. Это когда слова тяжёлые, как камни, и если не удержишь, они падают и бьют. И я знала Лешу: он не будет первым замахиваться, но если прижмут, то не отступит. Не умеет. И от этого становилось ещё страшнее.

Я быстро умылась, на автомате съела бутерброд, даже не почувствовала вкуса. Села на диван, уставилась в окно, где серые панельные дома стояли плечом к плечу, будто держали друг друга, чтобы не упасть. Часы тикали, а минуты ползли, как сонные мухи. Как он там? Что-то его долго нет... Каждая секунда тянулась, растягивалась, звенела в ушах.

Тут телефон звякнул. Я схватила его, пальцы дрогнули, думала, Леша. Но нет. Денис.

Сердце ухнуло куда-то вниз, потом подпрыгнуло и забилось где-то в горле. Я сглотнула, будто пыталась проглотить это чувство: не страх, не радость, а какую-то вязкую, тяжёлую вину, которая прилипала к рёбрам и не давала дышать ровно.

— Привет, Денис, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, будто ничего не происходит.

— Привет, Машунь. Как дела у тебя? Чего не звонишь? Соскучился.

Эти слова ударили мягко, но больно. «Соскучился». Как будто я должна была скучать в ответ. А я не скучала. И от того, что не скучала, становилось ещё хуже, будто я какая-то неправильная, бессердечная.

— Ты же знаешь, что здесь Леша. Как я могу с тобой говорить?

— Достал он, — неожиданно резко бросил Денис, и в этом «достал» было столько обиды, столько горечи, что я даже вздрогнула. — Уже почти неделя прошла с его приезда, и все эти сутки мы нормально не можем увидеться.

— Денис, — вздохнула я. Стало неприятно слушать его. — Он не виноват. Там всё сложно. У него эти старые связи... Он пытается просто выйти из этого, понимаешь?

— Понял, — буркнул он, и голос его стал тише, будто обида сдулась, как проколотый шарик. — Но почему ты до сих пор не скажешь ему о нас, Маш?

И вот тут меня накрыло. И страхом, и злостью, и стыдом. Потому что он прав. Потому что я тянула, пряталась за «потом», за «дай время», будто время само всё расставит по местам. А оно не расставляло. Оно просто копило эту тяжесть, и она становилась всё невыносимее.

— Я... Я... — слова рассыпались, как сухие листья под ногой.

— Хочешь, я сам разберусь с ним? По-мужски? — в его голосе вдруг появилась эта дурацкая бравада, будто он хотел казаться сильнее, чем был.

И тут я чуть не рассмеялась. Честно. Потому что перед глазами встала картинка: Леша и Денис лицом к лицу. Леша с широкими плечи, руки, на которых вены проступают, когда он сжимает кулаки, спина прямая, будто он всю жизнь учился держать удар. Он каждый вечер качает пресс, подтягивается на турниках во дворе, любит спорт, любит чувствовать, как мышцы работают, как тело слушается. А Денис... Денис не слабый, нет. Но он тонкий, жилистый, не привык к этой грубой силе, к этому умению стоять твёрдо, когда земля качается.

— Не надо, Денис. Я же сказала, что разберусь. Дай мне время, хорошо?

— Хорошо, Машунь, — он выдохнул, и в этом выдохе было столько усталости, столько ожидания, что мне стало по-настоящему горько. — Только потому что люблю тебя.

— Спасибо, Денис, — тихо сказала я, чувствуя, как слова царапают горло.

И тут звук. Поворот ключа в замке. Тихий, но такой родной, такой долгожданный, что у меня сердце подпрыгнуло и заколотилось где-то у самого горла.

— Кажется, он пришёл, — быстро выпалила я, будто этот звук был моим спасением, моим щитом. — Поговорим потом, ладно?

И сбросила.

Секунду посидела, сжимая телефон так, будто он мог удержать всё то, что сейчас рассыпалось внутри. Потом вскочила, поправила футболку, провела ладонью по волосам, будто эти мелкие движения могли собрать меня в одно целое. Дверь открылась, и на пороге стоял Леша. С тёмными кругами под глазами, в куртке, от которой пахло улицей, холодом и чем-то терпким, что всегда было только его.

Он замер, увидев меня, и на секунду на его лице мелькнуло такое облегчение, будто он сам не верил, что вернётся и я буду тут.

— Привет, — сказал он, и голос у него был чуть хриплый.

— Привет, — ответила я. — Ты как? Всё нормально?

Он чуть улыбнулся, снял куртку, повесил на крючок, потом подошёл, притянул меня к себе, уткнулся лбом в моё плечо.

— Теперь нормально, — прошептал он. — Теперь, когда я дома.

И я обняла его крепче, спрятала лицо у него на груди, слушала, как ровно, сильно стучит его сердце и понимала: вот ради этого я и должна всё расставить по местам. Не из страха, не из чувства вины. А потому что он заслуживает правды. И он заслуживает, чтобы рядом с ним не было ничего, что тянет назад.

— Тебя никто не обидел там? — с беспокойством спросила я, чуть отстранившись, чтобы заглянуть ему в глаза. Мне нужно было увидеть: нет ли в них той жёсткой, холодной искры, которая появляется, когда приходится стоять до конца. Или хуже: не прячется ли за усталостью боль, которую он никогда не станет показывать.

Леша чуть усмехнулся, но улыбка вышла не весёлой, скорее благодарной, будто само то, что я спросила, уже немного снимало тяжесть с плеч.

— Нет, родная, — тихо сказал он, снова притягивая меня к себе. — Никто не тронул. Да и кто посмеет? Просто тяжело. Не кулаками, а вот тут, — он легонько постучал себя по груди, прямо над сердцем. — Словами давят. А слова иногда тяжелее удара.

Я кивнула, не потому что понимала всё до конца, я не знала, как это: стоять перед теми, с кем когда-то был заодно, и говорить «я больше не с вами». Но я чувствовала, как он дрожит изнутри, как эта дрожь прячется за спокойствием, за этой его привычной твёрдостью.

— Ты устал, — прошептала я, прижимаясь щекой к его плечу. — Ты голодный? Я могу приготовить что-то. Хоть суп, хоть макароны тли вообще просто бутерброды.

— Голодный, — Леша вдруг ухмыльнулся, притянул меня к себе так, что я даже охнуть не успела, и шепнул, щекоча дыханием ухо: — Я бы сейчас поел сладенького. Например, тебя.

И тут же начал целовать меня в шею легко, едва касаясь, но от этих прикосновений по коже будто искры бежали, и я невольно вздрогнула, а потом рассмеялась, уткнувшись лбом ему в плечо.

На моих щеках румянец появился: горячий, предательский, будто он одним этим смешком и парой поцелуев выбил из меня всю взрослую серьёзность. Я вообще должна привыкнуть к такому Леше. Как-никак, он всегда был такой: то жёсткий, непробиваемый, будто из камня выточенный, то вдруг вот этот — игривый, дерзкий, с этой своей мальчишеской ухмылкой, от которой внутри всё переворачивается. Но мне всё равно каждый раз неловко. Будто я никак не научусь принимать эту его сторону, будто боюсь, что если расслаблюсь, если позволю себе просто смеяться и краснеть, то всё это счастье окажется слишком хрупким и рассыплется от одного резкого слова.

— Ты чего задумалась? — он чуть отстранился, приподнял мой подбородок, чтобы заглянуть в глаза.

Я покачала головой, пытаюсь улыбнуться как ни в чём не бывало:

— Да ничего. Просто... ты меня смущаешь.

— Смущаю? То есть, когда мы ночью...

— Леша!

Он рассмеялся громко, свободно, и этот смех был как глоток воздуха после того, как весь день ходила, сжавшись от тревоги.

— Что «Леша»? Я правду говорю!

— Не говори! — я шлёпнула его по плечу, развернулась и пошла на кухню, пряча улыбку, которая никак не хотела исчезать. — Дурак.

— Машка, ну подожди! — он пошёл за мной, не отставая ни на шаг. — Ну прости, прости! Я не могу не дразнить. Это как с котёнком: он шипит, а ты всё равно тянешь руку, потому что знаешь, что он просто притворяется грозным.

— Я не котёнок! — буркнула я, открывая холодильник, хотя и не смотрела, что там. Просто нужно было на что-то опереться, чтобы не стоять и не таять от его слов. — И не надо меня дразнить. У меня и так сердце сейчас выскочит.

Он подошёл сзади, не вплотную, но так, что я чувствовала тепло его тела, и положил ладони на столешницу по обе стороны от меня, будто закрывая от всего остального мира.

— Ладно, не буду, — тихо сказал он, уже без шуток, серьёзно. — Когда я вижу, что ты снова улыбаешься, что тревога ушла хоть на минуту, мне хочется кричать об этом. Хочется, чтобы весь мир знал: я пришёл, и она снова улыбается.

Я медленно закрыла дверцу холодильника, повернулась и упёрлась лбом ему в грудь.

— Ты меня с ума сведёшь, — пробормотала я, вдыхая его запах: тот самый, уличный, холодный, но сейчас он смешивался с домашним теплом и становился чем-то совсем своим.

— Сначала пугаешь до мурашек, потом смешишь, потом говоришь такие вещи, что вообще не знаешь, плакать или смеяться.

— Зато не скучно, — он чуть улыбнулся, наклонился и коснулся губами моего виска: совсем легко, как обещание, что дальше будет только тише.

Я фыркнула, всё-таки улыбнулась и потянулась к шкафчику, достала хлеб, масло, банку клубничного варенья.

Леша любит варенье. Всё сладкое. Каждый раз просит: «Машка, дай чего-нибудь сладенького». И смотрит так, будто это не просто конфета или ложка варенья, а что-то вроде спасения. Как ребёнок, который знает: если ему дадут шоколадку, весь плохой день сразу станет чуть лучше.

— Садись, — кивнула на табуретку. — Сейчас будет тебе и варенье, и тишина.

Он сел, вытянул ноги, откинулся на спинку.

— Спасибо, — тихо сказал он, когда я поставила перед ним тарелку, ложку и банку.

Я села напротив, подпёрла голову рукой, посмотрела на него: на то, как он зачерпывает варенье, как морщится от кислоты, как тут же тянется за хлебом, чтобы её заглушить.

И от этого у меня внутри что-то тихо таяло. Потому что этот огромный, сильный парень, который умеет стоять твёрдо, когда на него давят, который не отводит взгляда, даже если страшно, но все ещё верит, что ложка варенья может всё исправить. И я хотела, чтобы это было правдой.

Витая в своих мыслях, не заметила, как Леша всё съел. Теперь сидел довольный, будто целый пирог умял, а не пару ложек варенья с хлебом.

— Леш, ты весь грязный теперь, — проворчала я, встала с места. — Где все салфетки?

На столе ничего не было. Неужели закончились? Я даже не заметила.

Протянула руку и сама убрала варенье с уголка его губ. Он вдруг замер, будто боялся спугнуть этот тихий, домашний момент, и смотрел на меня так, словно впервые видел. А я, не задумываясь, сунула пальцы в рот, облизала варенье и только потом поняла, как это выглядело.

— Машка, — вдруг хрипло позвал Леша.

Я опустила на него взгляд:

— М?

— Пойдём в спальню.

— Что? — растерялась я, но он уже подхватил меня на руки, легко, будто я ничего не весила, будто вся моя тяжесть, все мои тревоги он готов был взять на себя.

Он шёл по узкому коридору, не глядя по сторонам, только на меня, будто я была единственным светом в этой маленькой квартире. И я вдруг перестала смущаться, перестала искать правильные слова. Просто обняла его за шею, прижалась лбом к его лбу.

Леша опустил меня на кровать, лёг рядом, притянул к себе так, что я уткнулась носом ему под ключицу, туда, где ровно и сильно билось сердце. И я сама начала его целовать в шею. Обычно он начинал первым, а я только отвечала. А тут не знаю, что на меня нашло. Может, потому что он лежал такой тихий, будто весь день держал спину прямой, а теперь наконец позволил ей расслабиться. Он выглядел как маленький ранимый мальчик и мне вдруг отчаянно захотелось его защитить, укутать, поцеловать так, чтобы все эти тяжёлые разговоры, все эти чужие ожидания просто рассыпались в пыль.

Мой муж замер под моими поцелуями. Я даже заметила, как он зажмурился, а потом, сама не понимая зачем, я легонько укусила его за нос. Совсем не больно: так, по-глупому, по-домашнему.

Он тут же распахнул глаза, уставился на меня, а потом вдруг фыркнул и этот звук был таким неожиданным, таким настоящим, что я не выдержала и рассмеялась, уткнувшись лбом ему в плечо.

А потом Леша взял моё лицо в ладони: так бережно, будто боялся, что если чуть сильнее сожмёт, я рассыплюсь на осколки. Перевернул меня на спину и поцеловал. Не жадно, не пытаясь забрать всё сразу, а будто пробовал на вкус: сначала уголок губ, потом чуть глубже, будто хотел запомнить, как я вздыхаю, как замираю, как наконец-то перестаю прятать, что мне хорошо.

И после этого поцелуя всё вокруг будто стало тише. Даже город за окном, который никогда не спит, вдруг притих, будто не хотел мешать. Я лежала, чувствуя, как уходит из тела эта дневная дрожь, как вместо неё разливается тепло: такое спокойное, такое правильное, что хотелось просто закрыть глаза и шептать: «Пусть это никогда не кончается».

— Машка, любишь меня? — неожиданно спросил Леша, приподнявшись на локте и глядя на меня так, будто от моего ответа зависело что-то очень важное.

— Леш...

— Скажи, — тихо настоял он, будто ему нужно было услышать это именно сейчас, когда весь день он держал лицо каменным, а тут наконец-то позволил себе быть уязвимым.

— Мм... — в порыве чувств, я потянулась к нему, хотела обнять, притянуть обратно, чтобы он снова лёг рядом, и мы могли просто лежать, слушать, как стучит его сердце.

Тогда он вдруг хитро прищурился, наклонился и легонько, совсем не больно, прикусил меня за бедро так по-мальчишески, так нелепо, что я ойкнула и тут же проворчала:

— Ты дурак?

— Любишь? — он поднял голову и смотрел на меня с этой своей невинной улыбочкой, будто и правда не понимал, как можно в этом сомневаться. В этот момент он и правда напоминал тигрёнка: грозный только с виду, а на деле просто хочет, чтобы его погладили и сказали, что он хороший.

Я смотрела на него, на морщинки у уголков глаз, которые появлялись, когда он улыбался, и вдруг поняла: да, люблю.

— Люблю, — вырвалось у меня.

Леша замер на секунду, будто прислушивался к этим словам, как к чему-то очень редкому и хрупкому. А потом выдохнул. Он лёг рядом, притянул меня к себе, так, чтобы я уткнулась носом ему под ключицу, туда, где ровно и сильно билось сердце.

— И я тебя люблю, родная, — прошептал он, целуя меня в макушку. — Иногда мне просто нужно это слышать.

7 часть. Маша.

В следующие дни меня будто изнутри грызла совесть. С одной стороны, я врала Денису, каждый раз обещала: «Я расскажу Леше, честно, вот прямо сегодня». А с другой, мне было стыдно перед Лешей. Не за то, что когда-то вообще познакомилась с Денисом, а за то, что теперь прячу, тяну, делаю вид, что всё нормально.

Почему я такая? Может, проблема во мне? Может, я просто не умею быть честной до конца? Или боюсь, что если скажу правду, то всё рассыплется: и Лешино доверие, и эта наша хрупкая тишина, когда он наконец-то расслабляется рядом со мной...

Я запуталась в своих чувствах, растерялась. И в какой-то момент поняла: мне нужен не чужой совет, не чьи-то умные слова из интернета, а тот, кто знает Лешу лучше всех.

Поэтому, сказав мужу, что иду по магазинам, я свернула в другую сторону — к Леве. Он всегда был тем, кто не судит с ходу, а сначала просто посидит, послушает, даст время выдохнуть.

И вот я сейчас сидела у него на кухне, мешала ложкой в чашке с чаем. Чай уже давно остыл, а я всё кружила и кружила, будто надеялась, что в этом кружении найдётся правильный ответ.

— Ты выглядишь потерянной, — Лев сидел напротив, локти на столе, смотрел спокойно, без спешки, как умел только он.

Я подняла на него глаза, и вдруг поняла, что сейчас либо всё вывалю, либо вообще ничего не скажу.

— Я не знаю, что делать, Лев, — голос дрогнул, и я быстро опустила взгляд, чтобы он не увидел, как близко к слезам всё это висит. — Я обещала Денису, что расскажу Леше... А теперь каждый день откладываю. И с каждым днём врать становится тяжелее. А сказать страшно. Боюсь, что он посмотрит на меня и поймёт: я не та, за кого он меня принимает.

Лев помолчал, постучал пальцами по столу: этот его тихий ритм всегда меня немного успокаивал.

— Знаешь, Маш, — наконец сказал он, негромко, но так, что каждое слово будто падало точно в цель. — Мой брат не святой. И он не ждёт от тебя, что ты будешь ходить по струнке и никогда не ошибаться. Он любит тебя не за то, что ты идеальная.

— Но, Лев... — я сжала пальцами край чашки так, что костяшки побелели. — Фактически я изменила ему в его отсутствии. Он будет видеть именно с этой точки зрения, да?

Лев помолчал и кивнул:

— Да. Он может так увидеть. Может даже сорваться. Потому что для него верность — это не просто слово. Это как воздух: пока он есть, ты не замечаешь, а как только его нет — сразу нечем дышать.

Я опустила голову, уткнулась взглядом в тёмную поверхность остывшего чая, будто там можно было разглядеть хоть какой-то выход.

— Тогда зачем мне вообще говорить? — прошептала я, и голос мой звучал жалко, потерянно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.